

Двойной детектив
по Фрейду

Анна Данилова

ШЕСТОЙ ГРЕХ

МЕНЯ ЗОВУТ ДЖЕЙН

Анна Данилова
Шестой грех. Меня
зовут Джейн (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6504470

Шестой грех ; Меня зовут Джейн : повести / Анна Данилова: Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65527-4

Аннотация

«Шестой грех»

В уединенных элитных особняках в поселке Бузаево тихо проживают жены богатых бизнесменов, Тая Боровая и Люда Завалистая. Одна копит обиды на мужа, а другая... Однажды олигарх Нестор Боровой умирает, и молодая вдова постепенно убеждается: в этом мире верить нельзя никому, кроме себя. Таисия всегда считала: к ней хорошо относится соседка – но Люда впутала Таю в историю с убийством...

«Меня зовут Джейн»

Богатая наследница англичанка Джейн Чедвик приходит в себя на железнодорожном вокзале поселка Татищево – грязная, голодная и в чужих лохмотьях. Она не помнит, как и зачем оказалась в России и что с ней происходило весь последний

месяц. Зато все остальное сохранилось в памяти в мельчайших подробностях. Джейн постепенно вспоминает: она собиралась встретиться в Москве со своим кузеном Юрием, которого раньше никогда не видела. Брату и сестре предстояло решить, как поступить с особняком в Питере, доставшимся им от дяди. Однако они так и не встретились...

Содержание

Шестой грех	6
1	6
2	7
3	25
4	27
5	38
6	52
7	59
8	63
9	77
10	91
11	100
12	110
13	116
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Анна Данилова

Шестой грех. Меня зовут Джейн (сборник)

© Дубчак А.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Шестой грех

Завистники умрут, но зависть – никогда.
Мольер

1

– Mima, où Allen?¹

– Je ne sais pas. Il n'existe pas déjà pendant trois jours².

– Il a Paris?³.

– Je ne sais pas. Le domestique a dit qu'il a pris des notes, des pyjamas il a gauche sur le taxi⁴.

¹ Мима, где Аллен?

² Не знаю. Его нет уже три дня.

³ Он в Париже?

⁴ Не знаю. Служанка сказала, что он взял ноты, пижаму и уехал в такси.

Когда я выходила замуж за Нестора, мне было двадцать пять лет, я следила за собой и вообще считалась красавицей. Ему не стыдно было появиться со мной перед своими друзьями, такими же негодяями, как и он сам. Да и в любом другом обществе, где ему по штату было положено присутствовать вместе с женой, он любил похвастать мною, продемонстрировать всем мою красоту, молодость, плюс яркость сверкающих на мне бриллиантов. Мы с самого начала договорились с ним, что брак – это не тюрьма, а потому жили так, как ему хотелось, выполняя, однако, несколько несложных обязательств по отношению друг к другу. Таких, к примеру, как мое постоянное (как и положено домохозяйке) пребывание дома, включающее в себя многочисленные хозяйственные обязанности; готовность сопровождать его в любое время дня и ночи в соответствующем виде; а также гробовое молчание относительно всего того, что мне, бывает, приходилось услышать и узнать.

В сущности, обязанности мои были не такими уж и сложными. Я даже смирилась с тем, что у нас не будет домработницы. То, что я потом, уже живя в Бузаеве и общаясь с местными жительницами, узнала о роли в их жизни домработниц, повергло меня в такой шок, что я решила для себя: уж лучше я сама буду время от времени убираться в на-

шем доме, чем брать с улицы сомнительных хохлушек с бегущими по сторонам глазками и желанием пообщипать своих хозяев. Хотя позже, конечно, бывало, что я приглашала к себе какую-нибудь девушку, работающую в одном из семейств по соседству, но лишь на несколько часов, только для того, чтобы она сделала генеральную уборку под моим пристальным присмотром. Что касается Нестора, то в его обязанности входило содержать меня и стараться как можно меньше меня огорчать. Надо ли упоминать о том, что самым большим огорчением для меня оказалась его неожиданная смерть!

Родилась я в Воронеже и первые годы жизни в Москве (я приехала поступить в вуз, в какой бы ни взяли, а не приняли меня никуда, и я устроилась продавщицей в продуктовый магазин на Масловке, там же, неподалеку от места работы, снимала комнату у одного бодренького ветерана) ходила как шальная, примериваясь к масштабам этого огромного города и пытаясь понять: ну есть ли здесь хоть кому-нибудь дело до моей персоны? А поняв, что я всего лишь атом, песчинка, и никому-то особенно тут не нужна, сначала расстроилась, а потом и успокоилась. Решила, что так, быть может, даже и лучше. Живи себе как хочешь, и не придется ни перед кем держать ответ за свои поступки. А поступки мои были, честно-то говоря, отнюдь не самыми благовидными. Я постоянно пребывала в процессе поисков мужа и действовала целе-

направленно, стараясь почаще бывать там, где можно подцепить богатого мужика. Интеллигенция меня не интересовала вовсе, поэтому меня нельзя было заметить ни в театрах, ни на выставках и уж тем более в музеях или в консерватории. Я мелькала на открытиях (точнее, публичных фуршетах) супермаркетов, ресторанов, торговых центров, проводила вечера в футбольных кафешках, модных ресторанах и клубах, пока не поняла главного – и там-то я тоже всерьез никому не нужна. Я экономила на еде, подрабатывала уходом за своим ветераном, и все это для того, чтобы поддерживать себя в нужной форме и более-менее «выглядеть». И вот в какой-то момент я вдруг от всего этого устала и поняла, что все это мне смертельно наскучило и что я и сама уже не знаю, чего хочу...

Однажды поздно вечером глубокой осенью, когда Москва мокла под дождем и мне совершенно не хотелось возвращаться в эту пропитанную запахами мочи и лекарств квартиру, я просто шлялась по улицам, пытаюсь понять, почему в этой жизни все так несправедливо устроено и почему в миллионах уютных московских квартир нормальные люди ужинают или смотрят телевизор, обнимаются, радуются жизни, смеются, целуют на ночь своих детей, а я бреду под этим нудным дождем неизвестно куда, отлично зная, что ничего хорошего меня в жизни уже не ждет. Появилась даже больная мысль: а не вернуться ли мне в Воронеж, к моей подслеповатой тетке Жене, не попросить ли ее подруж-

ку, тетю Соню, снова взять меня к себе, в районную библиотеку, и там, дома, если повезет, дожидаться предложения руки и сердца от какого-нибудь прыщавого «ботаника» с жирными прилизанными волосами и блестящими от тайного вожделения глазками? И буду я ему по воскресеньям печь пироги с капустой, а он, устроившись на продавленном диване в съемной квартире, станет играть для меня на гитаре и петь сочиненные им в юности рыцарские баллады... Но мысль эта как пришла, так же благополучно и ушла, растворилась в остужавшем воспаленные мои мозги дожде.

В этот момент неподалеку от меня остановилась белоснежная сверкающая машина, и дверца ее распахнулась. Оттуда буквально выпала девушка в белом же (а как иначе?) плаще, с растрепанными волосами и размазанной по щекам яркой помадой. От нее пахло так, как если бы ее весь день до этого вымачивали в смеси из коньяка и крепких духов. Я успела рассмотреть ее красивое, яркое, но какое-то сонное, усталое лицо.

– Скотина, идиот! Ненавижу вас, мужиков! Вы все – кретины! Собаки! Вам, значит, можно пить, а нам – нельзя?! У нас равноправие... – Девушка была сильно пьяна и щедро пересыпала свою нестройную речь забористыми матерными словечками.

Из окна водителя как сплюнули:

– Сука!

Я отвернулась. Мне не хотелось видеть эту «чужую» сцену. Она была предназначена лишь для этих двоих, не поделивших свое право на алкоголь в эту дождливую ночь.

Я ускорила шаги.

– Ты, сука... – Это уже заговорила девушка, пытаюсь догнать меня. Я слышала цокот ее каблучков по мостовой. – Да остановись же ты! Сто-ой!!! Сигаретки не найдется?

– Я не курю, – бросила я на ходу и прибавила шаг. – Блин, и не пью...

Машина бесшумно поравнялась со мной. Молодой человек, абсолютно трезвый. Бледное лицо, завиток мокрых волос на лбу.

– Не куришь и не пьешь? А что, разве такие еще бывают? – Глаза его смеялись.

И тут я разозлилась. У самой проблем полон рот! И у меня, в отличие от этих, бесящихся с жиру людишек, нет дорогой машины, да у меня, если разобраться, вообще ничего нет, кроме права на жизнь и возможности спокойно прогуливаться по улице! Нет, и тут они вмешиваются, пытаются меня во что-то втравить, отпускают какие-то шуточки, зубокалят...

Я почти побежала. Прочь от неприятностей!

– Стой, подожди! – кричал водитель, почему-то хохоча во все горло. – Ты чего испугалась-то?! Подожди, я тебе денег дам! И до дому довезу! И цветов куплю...

Я бежала не оглядываясь, чувствуя, как в туфли мои на-

бирается вода и ноги просто примерзают к ним.

— ...или кольцо с бриллиантом! Или машину вот эту подарю, только остановись!

Я даже не оглянулась.

— ...да я звезду тебе с неба достану! — расхохоталась ночь у меня за спиной.

Как все это пошло звучало на фоне неуверенного постукивания знакомых этому парню каблучков! Девушка между тем перебежала через дорогу, ругаясь непонятно с кем, бормоча себе что-то под нос, размахивая длинными руками, кому-то что-то доказывая, бедняжка. Почему-то мне подумалось, что так активно пить она начала с подачи этого господина в белом авто. Хотя, когда они познакомились, он мог быть и в черном авто, и в красном. Девица тоже, может, как и я, родом из Воронежа или, скажем, Саратова, приехала покорять Москву, встретила на улице вот этого «хозяина жизни», он подобрал ее, как подбирают щенка или котенка, пригрел, приручил, а потом забыл о ней... Вероятно, и этой бедняжке он тоже обещал звезду с неба достать. А вместо этого сунул ей в руки бутылку.

Машина проехала чуть дальше, остановилась, водитель вышел из нее и направился мне навстречу. Широко улыбаясь, он расставил руки в стороны, словно желая поймать меня.

— Убью, гад! — прошипела я, чувствуя необычайный прилив сил. В ту минуту мне показалось даже, что я в состо-

янии ударить его. За что? Совершенно непонятно! Просто так. Чтобы разрядиться. Чтобы он не думал, что может ку-пить все! И всех.

– Ты такая хорошенькая... Куда собралась, на улице дождь-то какой?! Сидела бы дома, смотрела телевизор. Тебя кто дома ждет?

Так много вопросов! Но я не собиралась отвечать ни на один из них. Я хотела было шагнуть в сторону, обойти его, но Нестор (а это был именно он) вдруг схватил меня за руку и сильно ее сжал.

– Хочешь, поехали ко мне? – прошептал он, и его белое бескровное лицо напугало меня. Может, подумалось мне тогда, этот парень, так странно ведущий себя, – наркоман, поэтому-то от него не пахнет алкоголем?

– Скажите, почему я должна ехать куда-то с вами? – Я попыталась поговорить с ним вежливо. А вдруг он вооружен и в любую минуту готов выстрелить в меня? Просто так. Чтобы разрядиться, как только что собиралась это сделать я.

– Да нет, ты ничего мне не должна... Просто ты мне понравилась, вот я и пристаю к тебе. Что же тут непонятного? Мужчинам положено приставать к девушкам. Хотя сейчас все изменилось вроде бы...

– А как же... она? Та девушка?

– Она снова напилась. Дрянь!

– Когда-то же она наверняка не пила, была пай-девочкой, да? Ведь так все и было? И что же с ней потом случи-

лось?

– Ей нравится алкоголь. Больше, чем мужчины. Она говорит, что все мужчины – предатели, а алкоголь – свой парень в доску. Но я не хочу, чтобы мы сейчас говорили о ней. Ты куда идешь?

– Ко мне вам не стоит приставать. Я не та девушка, что вам нужна.

– Ты хорошая, я это вижу. А хочешь, я женюсь на тебе? – Он гоготнул так, словно испугался своих же слов.

– Не стоит. Я – та самая «девушка из провинции», которая ищет себе богатого мужа, вот такого, как вы! – внезапно бросила я ему прямо в лицо, понимая, что уж тут-то он точно от меня отстанет. Хотя бы из-за моей шокирующей прямооты. – Да, да, и я не собираюсь это скрывать! Я устала от нищеты, от безысходности, от скуки, от бессмысленности своего существования... Все? Теперь вы отпускаете меня?

– Ты где живешь?

– Снимаю комнату.

– Работаешь?

– Продавщицей. Может, уже хватит вам унижать меня?

Он попытался взять меня за другую руку, но я с силой выдернула ее:

– Да все, все! Оставьте меня, наконец, в покое!

...Я зажмурилась. Как же давно все это было! И Нестор тогда тоже был другим, в его крови еще бродил сладким вином некий романтизм, и от его сумасшедших, дерзких

поступков захватывало дух не только у меня, влюбленной в него дурочки, но и у тех, с кем он вел свои опасные дела. Только узкий круг его друзей знал о существовании целых фабрик и подземных заводов, где производили огромное количество самого разного рода фальсификата, который потом заполнял всю Москву. Нестор когда-то начинал с подделки растительного и сливочного масла, сгущенного молока, чая, кофе, минеральной воды, тушеной говядины и меда; а позже он перешел в весьма опасную, но очень прибыльную фармацевтическую отрасль – он скупал и привозил в Россию сырье и полуфабрикаты для лекарств «из Индии и Китая». Веселый циник, он смотрел на нравственную сторону своих занятий сквозь пальцы. Он любил деньги и делал их легко, без оглядки. Тратил, однако, при всем своем легком характере, он их довольно-таки умно – вкладывал средства в новые предприятия, открывал какие-то невероятные художественные салоны, галереи и магазины, в которых и пытался отмывать эти деньги. Я называла такие заведения мертвыми, поскольку ни один нормальный человек не стал бы покупать столь дорогие, к тому же весьма сомнительного свойства вещи, картины, предметы искусства...

Мой брак можно было бы назвать счастливым, поскольку все, к чему я так стремилась, у меня появилось. Дом, деньги, мужчина, которого я, как мне тогда казалось, любила. И только ощущение того, что я постепенно превращаюсь в животное, исподволь, постепенно отравляло эту мою но-

вую жизнь, и я маялась, не понимая: чего же мне еще не хватает?

Я часто размышляла об этом и приходила к выводу, что мой брак – это как состояние полнейшей, предельной сытости после долгого периода жгучего голода, следствием чего является омерзительное чувство пресыщения, граничащее с тошнотой. Все мои цели, которые прежде представлялись мне такими невероятно важными, даже концептуальными, при ближайшем рассмотрении оказались простенькими, жалкими, как заштопанные чулки провинциалки. Поначалу эта сытость была тупым, натуральным обжорством, утолением неистребимого чувства голода – я действительно никак не могла наесться. Нестора это лишь забавляло, он никогда не подшучивал над этим, наоборот, он считал, что со мной все в порядке, что я веду себя самым естественным образом, а потому ничего предосудительного в этом нет. Но когда я начала набирать вес, он забеспокоился. И я поняла, что мне пора остановиться, что, распознав и изучив вкус недоступных для меня в прошлой моей жизни деликатесов, мне следовало бы теперь переключиться на нечто другое, что может составлять одну из многочисленных радостей жизни. Я окунулась в душный, пропитанный запахами шампуней, кремов, лаков и подпаленных волос мир салонов красоты. Мне нравилось ощущать на своем лице и теле заботливые руки Верочки, косметолога, Танечки, парикмахера, я научилась разбираться во всем, что касалось ухода за кожей и волоса-

ми, я стала любить себя так, как никто и никогда прежде меня не любил. Все свободное время теперь я посвящала уходу за собой, любимой: лимфодренаж, ультразвук, различные маски, дермобразия, Beautytek, Lierac, Bioderma...

Нестор однажды привел в дом одну женщину – красивую, какую-то суховатую и очень стильную (темные очки вполлица, узкое черное платье, ярко-красные губы) и представил ее Анной, сказал, что она хороший стилист и поможет мне подобрать гардероб, а заодно и научит меня всем премудростям, касающимся одежды. Она на самом деле многому научила меня, показала, где, в каких салонах и магазинах, лучше всего покупать одежду, после чего мы отправились с ней в Италию за хорошей обувью. Так, в приятном общении, и родилась наша с нею дружба, впоследствии перешагнувшая через вопросы моды, стиля, дорогих магазинов и умения держать себя на людях.

Словом, те два года, что я прожила с Нестором, пролетели в сплошных удовольствиях, и я ни одной минуты не жалела о том, что в ту дождливую ночь, когда мы с ним познакомились, я позволила ему проводить себя до моей комнаты на Масловке... Находясь рядом с ним и понимая, что он не любит меня так, как мог бы любить, что между нами все равно незримо присутствует нечто такое, что не дает нам возможности сблизиться духовно, я все равно не собиралась как-то менять свою жизнь. Да я жила бы так и дальше, если бы в один прекрасный январский вечер меня не пригласи-

сила эта же моя Аннета в консерваторию, на концерт одного не очень-то известного французского пианиста русского происхождения, Аллена Рея. В программе были произведения Шуберта, Брамса и Шопена. Я и прежде знала, конечно, сами имена этих великих композиторов, помнится даже, кое-что, написанное этими романтиками, нам ставили в записях в школе, на уроках пения; но то, что я слышала тогда там, в Большом зале консерватории, заставило меня понять одну простую истину: в жизни есть еще масса удовольствий и открытий, ради которых, собственно, и стоит жить. И среди них – музыка!

Я сидела рядом с Аннетой и плакала, вслушиваясь в фарфоровое звучание фортепианных переливов. Стройный молодой человек, с шапкой кудрявых волос, с одухотворенным лицом, играл на рояле, полностью отдавшись музыке. Он был так чист, словно его только что вынули из коробки, как дорогую куклу, развернули хрустящую мягкую бумагу и посадили за рояль. Белоснежный воротничок, манжеты, длинные тонкие пальцы, невероятным образом попадавшие на нужные клавиши, черно-белая гамма окружавших его музыкантов оркестра – все это выдавало в нем человека с другой планеты. Мне было больно осознавать, что в жизни существует много такого, что мне, наверное, будет трудно постичь в силу своей внутренней зажатости, отсутствия воспитания и природного таланта восприятия. Я слушала музыку, и мне все сильнее хотелось плакать. И вспоминалась поче-

му-то наша убогая квартирka в Воронеже, моя тетка, которая почти каждый день на ужин жарила картошку на подсолнечном масле, а на завтрак варила мне, уже взрослой девушке, манную кашу. «Интересно, – думала я, вглядываясь в такие же, как и у Аллена Рея, одухотворенные лица окружающих меня людей, – а о чем думают они? Может, тоже вспоминают свое детство? Или, наоборот, думают о том, как сложится их жизнь в будущем?»

Я задышалась от переполнявших меня чувств и никак не могла понять, что же со мной происходит. Никогда еще я не ощущала так остро свою ущербность.

Я прикрыла глаза и сквозь ресницы взглянула на пианиста каким-то особым, долгим взглядом. И мне показалось, что вокруг него за клубился золотистый туман, заставивший исчезнуть весь оркестр. Аллен Рей взмахнул руками, как крыльями, оторвал свои волшебные пальцы от клавиш, но музыка не прервалась, она продолжила свое дивное звучание, а вот молодой человек в черном костюме, с белоснежным воротничком и такими же яркими белыми манжетами, встал и, найдя меня глазами в зале, поздоровался со мной одним взглядом, слегка кивнув головой. Потом он быстро и легко спустился со сцены, приблизился к тому ряду, где сидели мы с Аннетой (моя Аннета его даже не заметила, она продолжала смотреть, как завороченная, на сцену), и мне ничего другого не оставалось, как, пробравшись между креслами, выбежать навстречу пианисту. Он взял меня за руки и сказал

на ухо: «Ну, как тебе концерт?» Я ответила: «Он прекрасен! И жаль, что я не понимала этой музыки раньше».

Он повел меня за собой, мы вышли из зала, потом он помог мне в гардеробе одеться, и мы вышли на улицу. Было темно, морозно, и снег искрился и переливался в свете фонарей.

– Ну как тебе концерт? – спросила меня Аннета.

– Он прекрасен! И жаль, что я не понимала этой музыки раньше, – прошептала я, глотая слезы. Я не могла разобраться – как так могло случиться, что вместо Аллена Рея рядом со мной появилась укутанная в меха Аннета?

– Какой талантливый человек... Я многое знаю в этой жизни, разбираюсь в живописи, но с музыкой, особенно классической, у меня всегда были натянутые отношения, – призналась мне Аннета. – Возможно, я слушала не тех авторов и не в том исполнении. Сегодня же я получила колоссальное удовольствие... Вот представляешь, как сложилась бы твоя жизнь, скажем, если бы твой брат или отец были музыкантами такого уровня?

– Во-первых, я была бы всегда сыта, – ответ мой сложился моментально. – Во-вторых, у меня была бы своя комната и письменный стол. От моей мамы всегда пахло бы хорошими духами, а на Новый год мы собирались бы всей семьей и ели жареного гуся, и все окна гостиной переливались бы отраженными в них разноцветными огоньками наряженной елки. Еще в доме постоянно звучала бы музыка, и у нас все-

гда было бы много гостей. Важных и не очень. В школьные каникулы меня отвозили бы к теплomu морю, и мне не приходилось бы мыть полы и горшки в детском саду, чтобы заработать себе на зимние сапоги.

Аннета посмотрела на меня глазами, полными слез. Приобняла меня за плечи, и мы направились к машине.

Аннета ужинала у нас. Я, находясь под впечатлением от концерта, была не в меру рассеяна и вместо курицы пода-ла суп. Нестор внимательно посмотрел на меня.

– Ты, случаем, не влюбилась? – спросил он, тронув меня за руку. – Очнись, принцесса!

– Влюбилась, влюбилась, – улыбнулась Аннета.

Без темных очков она выглядела как-то незащищенно и трогательно. Широкие скулы, полные губы, тонкие изогнутые брови. Я часто спрашивала себя: где Нестор ее нашел и как они вообще познакомились? Были они когда-нибудь любовниками или же их связывало нечто другое? В любом случае к Аннете, которая была старше Нестора лет на десять, я его никогда не ревновала. Я восхищалась ею и считала ее своей подругой.

– Она влюбилась сегодня в музыку, – сказала Аннета. – Мы ходили на фортепьянный концерт, слушали Брамса, Шопена, Шуберта. Чудесная, нежная музыка. Думаю, Нестор, что твоей жене надо почаще бывать на подобных меропри-

тиях. Правда, она там так расчувствовалась... Ну, ну, Тасия, не злись. В этом нет ничего такого... Это лишь свидетельствует о твоей тонкой душевной организации, а это неплохо. Особенно в наше время.

– Я бы хотела слушать подобную музыку каждый день, – сказала я Нестору так, как если бы я попросила его завести свой домашний симфонический оркестр и выписать лет на десять Аллена Рея из Парижа. – Мы постоянно окружаем себя роскошью – красивой мебелью, вазами, коврами, антиквариатом... А разве музыка – не роскошь? Разве это не роскошь – взять и посвятить целый вечер слушанию музыки?

Я не знала, как выразить словами то, что я хотела сказать. Но у меня было такое чувство, какое возникает у человека, случайно выигравшего в лотерею лет десять новой, полной чудесных превращений жизни, и теперь он точно знает, на что ее собирается потратить. От мысли, что теперь в моей жизни поселятся Шопен, Брамс и Шуберт (сначала хотя бы эти трое, а потом к ним примкнут и другие сочинители музыкальных шедевров), у меня захватывало дух.

– Тая, тебе понравилась классическая музыка? – Нестор посмотрел на меня как на ребенка и даже потрепал теплой ладонью по щеке. – Так-так... То ли еще будет! Что ж, это, во всяком случае, лучше, чем объедаться по ночам трюфелями и шоколадным печеньем. Ведь так, Аннета?

– А я так хорошо понимаю ее! Далеко не всем доступно получать удовольствие от прослушивания классической му-

зыка, между прочим. Музыку надо понимать нутром, чувствовать ее сердцем, душой. От такой музыки люди становятся чище.

— Жаль, но мне это не грозит. — Даже несмотря на эту фразу, Нестор оставался весьма благосклонен к нам с Аннетой. — Честно. Значит, и чище я никогда не стану. Что поделать?

В тот вечер он отдыхал. Отменил все встречи, поездки и, завалив работой своих заместителей, просто наслаждался покоем. Я видела перед собой уверенного в своих силах молодого мужчину, который на первый взгляд казался вполне счастливым. У него был дом, жена, понимавшая его и не мешавшая ему жить так, как он хочет. Однако только я догадывалась о той смертельной скуке, той тоске, что он испытывал, достигнув всех своих материальных целей. В этом плане мы с ним были даже похожи, правда, наши схожие состояния дремали на разных уровнях, лично мне по жизни требовалось куда меньше денег, чем моему мужу.

Однако, возможно, именно в тот вечер, когда все мы втроем, уютно расположившись на диванах, лениво беседовали о роли классической музыки в жизни занятых людей (эта тема плавно вытекла из более общей темы влияния музыки на таких бездельниц, какой к тому времени стала я), я вдруг поняла, глядя на Нестора, насколько же он одинок и как же ему всерьез плохо. Что именно с ним случилось, что мешало ему жить и радоваться жизни по-настоящему, а не притво-

ряться, что он научился делать довольно талантливо, я поняла гораздо позже... Точнее, слишком поздно.

Но ведь эта история вовсе не о Несторе, а о том, что стало со мной после его смерти. После того как тяжелая, внезапная, стремительная болезнь унесла его.

– Гражданка Завалистая, вам знаком этот человек?

– Нет-нет... Я никогда не видела его прежде. Вернее...

Я не могу разглядеть...

– Обойдите труп вот с этой стороны... А теперь?

– Да... Думаю, что я видела его...

– Ваш муж утверждает, что это труп вашего тренера из фитнес-центра «Коломбина» – Алексея Корнеева. Это правда?

– Да, это Леша...

– Вам плохо? Принесите воды!..

Звон стекла. Пауза.

– Присаживайтесь. Скажите, Людмила Борисовна, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Корнеевым.

– Полгода тому назад. Я пришла в «Коломбину», записалась на занятия, и меня определили к Корнееву.

– В каких вы были с ним отношениях?

– В нормальных... Он стал моим личным тренером, и с его помощью в нашем доме оборудовали небольшой тренажерный зал. Мы с мужем посчитали, что так будет удобнее, чем мне самой каждый раз ездить в город. Я не очень хорошо вожу машину.

– Когда вы в последний раз видели Корнеева?

– Сегодня. Мы занимались с ним с десяти до одиннадцати утра, после этого я отправилась в свой душ, он наверху, рядом со спальней, а Леша – в душ, расположенный между тренажерным залом и бассейном. Когда я вышла из ванной комнаты и подошла к окну, то увидела, как он идет по нашей аллее к воротам. Там, за воротами, он оставлял обычно свою машину.

– И что было потом? Он уехал?

– Разумеется, уехал! Во-первых, я сама это видела, а во-вторых, это может подтвердить секретарша моего мужа, она приезжала к нам за какими-то документами мужа. Она выехала практически следом за ним.

– Однако труп вашего тренера был обнаружен вашей домработницей здесь, в вашем доме, в морозильной камере. Как вы это можете объяснить?

– Но я не обязана никому ничего объяснять! Мы расстались с ним, и больше я его не видела. Он что, замерз там? Или его... убили?!

Дверь за Георгием закрылась. Людмила подбежала к окну и увидела, как он выходит из дома, спускается с крыльца и усаживается в машину. Он – свободный человек. Сейчас его машина вырулит на липовую аллею и медленно покатит к воротам, те автоматически откроются и выпустят ее мужа, как птицу из клетки. И клетка эта – их дом, их большой и красивый дом, с башенками, стрельчатыми оконцами и чудесной черепичной крышей. Не дом, а сказка! Вот только бывает здесь Георгий редко, а приезжая, он постоянно смотрит на часы. Даже по вечерам, когда нормальные мужья расслабляются перед телевизором или засыпают, прижавшись к своей жене. Георгий не любит ни свой дом, ни жену, это ясно. И сколько можно переживать по этому поводу? Да мало ли мужей не любят своих жен? Если бы каждая жена, оказавшись на месте Людмилы, так тяжело, как она, переживала эту нелюбовь, то на улице не осталось бы ни одного светлого женского лица. Все ходили бы с заплаканными физиономиями, и женщины жалели бы себя и друг друга, видя в этом единственный смысл жизни.

Свое отношение к браку и к тому, что муж не хранит ей верность, Людмила изменила после смерти своей подруги – Кристины. Молодая женщина подхватила где-то воспаление легких и умерла в считанные дни. Как сказал ее муж, Кри-

сти просто сгорела. Ее не стало. Такие обыкновенные слова, но какая бездонная пропасть кроется за ними! Смерть. Что может быть страшнее? Измена... Да наплевать и размазать! Георгия целыми днями не бывает дома; он, слава богу, свою жену никогда не контролировал, не устраивал ей сцен ревности, и все потому, что ему абсолютно все равно, где она, что с ней. Тогда почему же ей не извлечь из этого обстоятельства выгоду? Прямую, натуральную выгоду, и не завести себе любовника? Причем молодого, красивого, страстного, которым можно будет вертеть так, как она захочет, который, как в волшебном сне, будет исполнять все ее, даже самые дерзкие, желания? Да перед ними откроется весь мир с деньгами Георгия!

Какая же она была дура, когда плакалась своим подругам, рассказывая им о том, что муж изменяет ей и что ее ничто уже не может обрадовать, поднять ей настроение. Деньги? Фу, какая пошлость! Разве можно с их помощью заглушить сердечную боль? Никакие тряпки или зарубежные поездки тоже не помогут. Да если она просто представляет себе своего мужа в постели с какой-нибудь малолеткой, у нее сразу пропадает даже аппетит, не говоря уже обо всем остальном.

Да, все так и было. Но – лишь до смерти Кристины. А после этого страшного события как-то ничтожны стали все эти душевные переживания и муки ревности, и ей захотелось жить, причем жить на полную катушку. Подумалось почему-то, что смерть, оказывается, неразборчива, и уносит она

не только немощных стариков, которым уже пришел срок, но и молодых, полных, казалось бы, сил и жизни молодых девушек.

– Я же говорила тебе, Люся, не убивайся ты так из-за Гоши! Ну вот такой он, понимаешь? Мой Нестор – другой, он вообще закрытый, и что там у него на душе, о чем он думает, я никогда не знаю. Возможно, у него полно любовниц, а может, и нет ни одной. Я тоже сначала постоянно думала об этом... О том, что не знаю его, что, даже прожив с ним целый год, так и не научилась читать его мысли. Он, несмотря на то что мы с ним спим, едим, живем вместе, остался для меня каким-то... картонным, что ли. Не знаю, как тебе это объяснить, – Таисия, молоденькая соседка Люды, жена Нестора Борова (по слухам, весьма скромного и еще не успевшего попасть в поле зрения «Форбс» миллиардера), какое-то время не могла найти подходящее определение. – Нет, я не могу сказать, что мы с ним живем как чужие люди, но и близкими по-настоящему мы так и не стали... К тому же не забывай, что наши мужья – люди очень занятые. У них же каждый день расписан по минутам! Я понимаю, что это просто дежурные слова, но за ними – полное отсутствие у них свободного времени.

Тая сидела на диване, разглядывая свои ухоженные ногти, и видно было, что она говорит, несколько не задумываясь о сказанном, и уж тем более не пропускает больную для Людмилы тему через себя. Так, девочка-картинка, у которой

все в полном порядке. Ну и что, что Нестор не стал ей близким человеком, он ей таким никогда и не был, не то что Гоша Людмиле...

— Тая, дорогая, ты младше меня на десять лет. — Люся попыталась быть с нею вежливой, а потому отвечала соответствующим тоном, то есть в точности повторяя ее дежурные интонации. — У тебя впереди еще вся жизнь, к тому же ты, быть может, не так привязана к своему Нестору, как я к Гоше. Мы с ним прожили двенадцать лет, и я знаю, каким он может быть по отношению ко мне. Когда мы были бедны, мы любили друг друга, и каждый его успех был нашей общей удачей, семейной, понимаешь?.. И вообще, тогда у нас была семья. Сейчас же все изменилось. Он совершенно перестал интересоваться мной. А уж как на женщину и вовсе внимания на меня не обращает. Твой-то Нестор не смог бы не обратить внимания на такую красавицу, как ты.

— Да, я еще пока нравлюсь ему. Но, думаю, лишь потому, что он тоже молод и полон мужских сил. Хотя... Ох, Люся, я ничего не знаю... Но ты правильно сказала — смерть Кристины как-то встряхнула нас всех, кто ее знал. Она своей смертью напомнила нам о том, что мы должны дорожить своей жизнью, любить себя и не растрачивать попусту свои силы на разную чепуху. Подумаешь, муж изменяет! Да, это неприятно, и это бьет в первую очередь по женскому самолюбию...

Таечка вдруг оживилась, разговорилась. Спинку выпря-

мила, ручки сложила на коленях. Ну словно кукла! Определенно, у Нестора отличный вкус. И пусть она необразованна и не готовилась к браку с олигархом, как того требуют нынешние условия жизни – раз уж хочешь за богатого, стремись ему соответствовать (говорят, Нестор подобрал ее просто на улице, как голодного котенка, а до этого она продавала пиво в ларьке), – все равно она была интересным человеком, и в ней чувствовался некий человеческий магнетизм. К тому же от нее, в отличие от остальных знакомых Людмилы, не исходила опасность, не чувствовалось в ней жизненной угрозы потенциальной соперницы. Она была добрым и вовсе не подлым человеком, поэтому в ее присутствии можно было расслабиться и вести себя естественно.

– Да, ты права, – согласилась с ней Людмила, – мое самолюбие ужасно страдает. И что же мне теперь делать? Забыть о нем?

– О Георгии?

– Да нет, о самолюбии?

– Ни в коем случае! Просто надо уяснить для самой себя, что любовь не вечна и что на твоём месте мог бы оказаться и твой муж, если бы ты, к примеру, остыла к нему... Его холодность отнюдь не говорит о том, что ты подурнела, постарела, разжирела или что-нибудь в этом духе и якобы поэтому он предпочел тебе более молодую и привлекательную женщину. Нет, все дело в нём самом, в его мироощущении, понимаешь? Время сделало с ним то, что ты сейчас в нём

замечаешь. Время и работа. Ну и еще, конечно, его окружение. Будь уверена, что, если ему станет плохо, он заболит или – не дай бог, конечно, – у него появятся серьезные проблемы в бизнесе, он обратится за помощью или даже жалостью именно к тебе, к самому близкому и дорогому для него человеку. Вот скажи, Люся, ты любишь его?

– Думаю, да.

– Если любишь, то будешь продолжать любить его и такого, каким он стал. Но чтобы тебе было не так тяжело из-за этих неожиданных для тебя перемен, постарайся и ты найти в своей жизни что-то такое, что отвлечет тебя от невеселых мыслей и принесет тебе новые приятные ощущения.

– Любовника, что ли?

– Можешь и любовника завести. Все, что угодно, кого угодно... Я вот, к примеру, полюбила классическую музыку.

И тут Людмила расхохоталась. Как же смешно и нелепо она произнесла эту фразу! Словно похвасталась, дурочка. А чем тут хвастаться? Сплошной самообман...

– Люда, ты так странно посмотрела на меня... – почему-то порозовела Таисия. – Словно ты не веришь мне. Поверь мне, среди классической музыки, которая порой раздражает нас, даже просто действует на нервы, есть и такая, которая уносит человека с фантазией или просто много пережившего куда-то очень далеко. Это просто сюрреализм какой-то! Слушаешь музыку – и переносишься, телепортируешься туда, где тебе было либо очень плохо, либо, напротив, очень хо-

рошо. А еще ты словно возвышаешься над собственными проблемами. И многое кажется тебе просто бесполезной суетой...

– Ты здорова, Таечка? – не удержалась от сарказма Людмила. – О какой телепортации ты говоришь?

– Ладно, оставим это, – еще гуще покраснела Тая. – Может, я просто пока не могу выразить словами свои чувства, но когда-нибудь я этому научусь. Просто я хотела помочь тебе как-то отвлечься от твоих проблем, от того, что отравляет тебе жизнь и мешает наслаждаться ею в полной мере. Поэтому и рассказала о музыке. О том, как она помогла и продолжает помогать мне. Но существует много других средств...

Она вконец стушевалась, и Людмила даже пожалела о том, что она не сумела скрыть свою иронию в отношении увлечения Таи классической музыкой.

– Ладно, извини... Может, когда-нибудь мы и сходим с тобой на какой-нибудь концерт.

– И непременно возьмем с собой Аннету.

– Снова Аннета! Без нее, я смотрю, ты уже шагу ступить не можешь. Ты гони ее в шею!

– В смысле? Почему?

– Да потому! Прилипала она, вот кто. Почти что живет с вами. Она вообще кто? Чем занимается?

– Она? Стилист, у нее своя студия...

– Ты была там? Видела, что это за студия?

– Была. Студия как студия. У нее постоянная клиентура...

– И много клиентов?

– Нет, отнюдь нет...

– И что, это какие-то известные люди?

– Ну, в общем, да... Знаю, что недавно к ней обратился один известный продюсер, он занимается раскручиванием нового проекта и ему нужно определиться со стилем новой музыкальной группы. Вот она с ним и работает. Еще артисты, певцы... Я, честно говоря, особо-то не интересовалась. Между прочим, я тоже вроде как ее клиенткой была поначалу. Это потом мы с ней подружились.

– Разве ты без ее помощи не смогла бы одеваться? Или причесываться? Ты – молодая девушка и вполне могла бы заняться собой сама. Тем более когда у человека есть деньги и возможность выбраться куда-нибудь за границу, закупить себе шмоток... Ладно, оставим эту тему. Вижу, тут Нестор подсуетился, подсунул тебе эту мадам. Но это ваши дела. Вернемся непосредственно к Аннете. Тая, она хоть и старше тебя, но выглядит очень даже ничего. Неужели ты не ревнуешь ее к Нестору?

– Нет. А что, должна?

– Она посторонний человек. Что она делает в вашем доме?

– Да ничего она не делает! Приезжает иногда, помогает мне приготовить обед, например. Просто составляет мне компанию. Мы с ней общаемся, от нее я узнала много нового, интересного.

– А ты никогда не задумывалась о том, что связывает Аннету с Нестором? Ведь ваш дом, насколько я понимаю, закрыт для посторонних. Вы практически не принимаете у себя гостей. И вдруг – эта Аннета! Ну ты подумай сама, откуда у Нестора к ней такое доверие?

– Не знаю...

– А ты спроси!

– Да неудобно как-то.

– На потолке спать неудобно и штаны через голову надевать. Она к деньгам его подбирается, а ты ничего не видишь! Наверняка она его любовница – или бывшая, или будущая.

Тая резко поднялась. Несколько мгновений она смотрела Людмиле в глаза, словно желая ее о чем-то спросить, но потом, так ничего и не сказав, бросилась к выходу.

– Подожди, куда ты?! Я не хотела тебя обидеть! Разве что предостеречь! – крикнула ей вдогонку раздосадованная Людмила. – Ты пойми, ничего в жизни не бывает просто так! Извини, если я расстроила тебя...

После этого разговора Тая не приходила к ней целую неделю. Для двух этих женщин, живших по соседству и уже успевших привыкнуть друг к другу, это был большой срок. Людмила могла бы сама зайти к ней, но смутное чувство вины заставляло ее каждый раз откладывать свой визит. Сначала ей казалось, что Тая должна была быть ей благодарна за то, что Людмила ее предостерегла – мол, смотри за своей

Аннетой, мало ли, что она задумала. Все-таки твой муж человек небедный, к тому же он молодой мужик, которого эта сучка Аннета может просто захотеть у тебя отбить. А что — чем он ей не любовник, а потом и муж? Опытная женщина умеет сделать так, чтобы мужчина потерял от нее голову.

Но позже, постоянно возвращаясь мысленно к этому эпизоду, Людмила пришла к выводу, что она лишила Таю душевного покоя своими рассуждениями. Того самого покоя, в котором так нуждалась сама. Она сама волновалась, постоянно переживала за мужа, за их отношения, ревновала его страшно и изводила себя этими муками ревности. А теперь она причинила боль и Тае? Неужели эта девочка своим безмятежным, счастливым видом настолько раздражала ее, что Людмила на подсознательном уровне сделала так, чтобы поселить и в ее душе сомнения и страх за свое будущее? Аннета... А вдруг она искренне привязана к Тае и желает ей только добра? И никаких коварных планов относительно завоевания Нестора у Аннеты в голове и в помине нет?

Между тем жизнь самой Людмилы не менялась. Она по-прежнему ждала мужа долгими вечерами, прислушивалась к уличному шуму, высматривала в окна, не блеснут ли фары его внедорожника. И так ей хотелось, чтобы он приехал и, увидев ее, обнял бы, поцеловал ее и сказал, что он смертельно по ней соскучился, что он хочет повезти ее в какое-нибудь шикарное место, где она сможет продемонстрировать всем свои наряды и драгоценности. И уже там, в ресторане,

например, он шепнет ей на ушко, что он так устал, а еще, что он страшно виноват перед ней, своей женой, за то, что уделяет ей так мало времени, никуда-то ее с собой не берет и давно забыл, когда они спали вместе в одной постели...

Нет, это давало о себе знать вовсе не уязвленное самолюбие. Просто ей, как и любой другой женщине, хотелось любви и ласки, а еще — внимания к себе ее собственного мужа. В сущности, этого хотят всегда и все женщины.

Она спрашивала себя: а что, если на самом деле послушаться совета Таи и отвлечься? Не с помощью классической музыки, конечно. Найти себе развлечение, да такое, чтобы она сама почувствовала перед мужем некую вину. Такой опасной игрушкой мог бы стать только любовник.

Но где его взять?

Однажды Людмила посвятила целый день экспериментам над своей внешностью. Накладывала и снимала грим несколько раз. Меняла прически. Перемерила весь свой гардероб. И пришла к выводу, что выглядит она ужасно: кожа ее потеряла прежнюю эластичность, волосам надо бы придать другую форму, да и не мешало бы ей сбросить лишних пять-шесть килограммов. Словом, она решила всерьез заняться своей внешностью, а уж потом она подумает и о том, где, в каких местах она сможет попасться на глаза своему будущему любовнику.

Почему так? Кто-то что-то скажет, и я сижу и думаю на эту тему, извожу себя подозрениями, вместо того чтобы просто поговорить с человеком или попытаться выяснить, правда все это или нет. Но подойти к Нестору и спросить его, что связывает их с Аннетой, я почему-то не могла. Мне казалось, что уже в самом вопросе будет содержаться недоверие к Аннете или к самому Нестору. Казалось бы, ну что в этом особенного – расспросить мужа о его знакомой? Где они встретились, при каких обстоятельствах, что их связывает, какие у них отношения, были ли они любовниками, а может, она вообще его дальняя родственница? Вот в том-то все и дело, что я, живя с Нестором, не могла позволить себе задавать вопросы, не боясь вызвать его раздражения, недовольства. К примеру, рассуждала я, я спрашиваю его об его отношениях с Аннетой, и он отвечает мне, что она его знакомая. Ну, положим, это я и так знаю. Но какого рода знакомая? Из какой жизненной сферы? Бизнес? Дальнее родство? Или она родственница его друга? Случайная знакомая? Что их связывает или связывало?

Я побоялась, что Нестор ответит мне вопросом на вопрос: «А зачем тебе это?» Он довольно часто прибегал к подобным «ответам», каждый раз ставя меня в тупик и словно бы желая прекратить разговор на том основании, что он не ви-

дит необходимости что-то мне объяснять. И это он сам, как правило, решает, что мне нужно знать и что не нужно. И что будет потом, когда он мне так ответит? Холодноватое чувство досады на себя за собственное любопытство, основанное на подозрениях соседки? Ну и зачем мне, на самом деле, все это? Не проще ли самой попытаться что-то узнать в процессе общения с Аннетой? Задать ей какой-нибудь наводящий вопрос, на который она просто не сумеет четко ответить? И тут я поймала себя на мысли, что и к Аннете-то так просто не подойдешь и не задашь ей волнующий тебя вопрос. И Аннета, если хорошенько вспомнить наши с ней беседы, поездки или просто совместное времяпрепровождение, держит меня как бы на дистанции и не позволяет приблизиться к ней настолько, чтобы я почувствовала себя ее близкой подругой. Нет, мы все же не были с ней подругами, и, скорее всего, Нестор просто нанял ее в качестве моей компаньонки. Или же, что совершенно неожиданно пришло мне в голову, приставил ее шпионить за мной! Чтобы быть в курсе, где я бываю, с кем и о чем разговариваю и так далее. А почему бы и нет? Еще неизвестно, как поступила бы я, если бы мы с Нестором поменялись местами и это я зарабатывала миллионы, а он, мой молодой красивый муж, бездельничал бы дома? Возможно, я так же точно наняла бы какого-нибудь своего хорошего знакомого, чтобы тот следил за ним и докладывал мне о каждом шаге мужа. А что, это даже интересно... Но тогда зачем было вообще жениться

на мне, если ты мне не доверишь?

Вот уж действительно, от безделья люди могут напридумывать себе бог знает что! Еще недавно я подозревала (с подачи беспокойной, озабоченной Людмилы) Аннету в какой-то там корысти, или в желании отбить у меня Нестора, или в намерении хотя бы сделаться его любовницей; сейчас же я превратила ее в шпионку, в подлую предательницу, исполняющую роль моей подруги. Это ли не гадко?

А вдруг все же, продолжала раздумывать я, Людмила права и я элементарно не даю себе труда задуматься о простых, казалось бы, вещах и явлениях, происходящих в моей жизни? Вышла замуж, можно сказать, за первого встречного (конечно, он таковым не являлся, но что я о нем тогда знала, помимо того, что он богат, относится ко мне с нежностью и хочет жить со мной?), и теперь живу, выполняя определенные условия нашего сосуществования, и даже внушаю себе, что счастлива. Хотя разве о такой супружеской жизни я мечтала? Мне всегда хотелось иметь мужа, который был бы мне близок, с которым я могла бы без всякого напряжения разговаривать на любые темы; который любил бы меня так же сильно, как и я его; и чтобы он спешил домой, скучал по мне, радовался бы, увидев меня... Я мечтала о нормальном любящем муже. А вместо этого получила холодноватого красавца с огромными счетами в швейцарских банках. Если положить на одну чашу весов взаимную любовь, а на другую — моего красивого и богатого (и, можно сказать, почти чужого)

мужа, то... То что? Разве быть замужем за бедным, но зато веселым и любящим парнем лучше того положения, которое я сейчас занимаю? И не изменятся ли мои чувства к нему, неудачнику, когда нам нечем будет оплачивать комнату, когда не найдется денег на нормальную еду и на самый элементарный уют? Разве не усомнюсь я в его умственных способностях? И не начну ли принимать его веселость за идиотизм и легкомыслие бездельника? А его неумную страсть ко мне я и вовсе припишу к проявлениям животных инстинктов...

Нет уж, только не бедность! Это все я уже благополучно пережила и не хочу возвращаться обратно в свое прошлое. Пусть Нестор ведет себя по отношению ко мне так, как ведет. Пусть ничего не рассказывает о своей работе, о своих проблемах, желаниях. Пусть! Но относится-то он ко мне хорошо, не скупится, заботится обо мне, да и вообще, если бы не Людмила, то я воспринимала бы наш брак как вполне счастливый. К тому же его никто не заставлял жениться на мне, это было его собственное желание. И это он первый сказал мне о том, что любит меня. Что он хочет иметь семью, детей. Правда, дети пока что не получались. Мы оба прошли обследование, и нам сказали, что мы оба здоровы и рано или поздно у нас непременно будут дети. Словом, успокоили. Хотя это я здорова, я это знаю, а вот что касается Нестора, то врачи – по его желанию – могли и умолчать об униزительном для мужчины факте – о невозможности иметь детей. Говорят, женщины чувствуют, когда им изменяет муж.

Не уверена! Во всяком случае, я никогда ничего не чувствовала, хотя могла бы предположить, что его длительные отлучки из дома вызваны именно наличием у него любовницы. Нестор был ласковым и сильным мужчиной, и в сексуальном плане у него было все в полном порядке. Он никогда не засыпал раньше меня, ссылаясь на усталость, как это бывает у других супружеских пар. Никогда не уклонялся от исполнения своего супружеского долга. Да что там – долга! Не думаю, чтобы он воспринимал любовь как долг. Вот и выходило, что отношения наши с Нестором были вполне нормальными, даже теплыми, и, вполне возможно, он и не изменял мне вовсе. Но все равно чего-то очень важного, того, что не давало мне покоя, мне не хватало. Какие-то тайны, недомолвки, нежелание приблизить меня к своей внутренней жизни и позволить мне войти в свой мир, как он позволил мне войти в свой дом, – все это отравляло наш брак. Во всяком случае, я это ощущала.

Я готовила ужин, когда приехала Аннета. Она давно уже не предупреждала меня заранее о своих визитах, считая, вероятно, что я должна радоваться ее появлению в нашем доме в любое время суток.

Вот! Вот что сделала Людмила, посеяв в моей и без того мнительной натуре семя сомнения. Если раньше я искренне радовалась приезду Аннеты, то теперь я начинала воспринимать все, что было с нею связано, с большим недоверием.

В запасе у меня уже имелся целый список критических комментариев к ее будущим поступкам и действиям.

– Привет, дорогая! – Аннета уверенным шагом вошла в кухню, где я жарила рыбу, приблизилась ко мне и потерлась щекой о мою щеку. Поздоровались! С чего она взяла, что мне нравится этот ее фальшивый жест и запах ее пудры?

– Привет, Аннета. – И, чтобы не казаться уж совсем невежливой и, не дай бог, она не заметила бы моего к ней охлаждения, я спросила: – Как дела?

– Нормально, – так же нейтрально ответила Аннета.

Она была в сером кашемировом костюме, непонятного какого-то бордово-черного цвета, волосы ее пышной шапкой лежали на голове, ее кроваво-красные губы расплывались при каждом удобном случае в улыбке. Вампириша! Шпионка! Зачем она приехала ко мне?

– Ну как? Купила себе Рахманинова?

– Да, – рассеянно ответила я, переворачивая на раскаленной сковородке прожаренную до оранжевой корочки форель. – Купила. И Рахманинова, и Скрябина, и Второй концерт для фортепьяно с оркестром Шопена, тот, о котором мы с тобой говорили. Но диска с Алленом Реем я так и не нашла. И в интернет-магазинах искала – его там тоже нет.

– Говорю же, он еще молодой, он только начинает. Но вот увидишь, скоро повсюду появятся диски с его концертами.

– Я купила записи концертов Эмиля Гилельса, Николая Петрова, Дениса Мацуева.

Мне почему-то не хотелось больше говорить с Аннетой о моем увлечении фортепьянной музыкой. Во-первых, я не забыла выражения лица Людмилы, которой я попыталась объяснить, как на меня стала действовать музыка, – ничего, кроме иронии и презрения, моя откровенность у нее не вызвала. Да и Аннета, решила я, поддерживает эту тему и мое увлечение музыкой, скорее всего, просто из вежливости. В конце концов, это входит в круг ее обязанностей. «Все лучше – музыка и почти виртуальный, во всяком случае недостижимый для Таечки, Аллен Рей, – я уже почти слышала, как она докладывает об этом с ухмылкой Нестору, – чем увлечение каким-нибудь реальным, ищущим, как бы пожить за чужой счет, молодым мужиком. Чем бы дитя ни тешилось...»

– Знаешь, а меня что-то потянуло на акварель. Накупила красок. Сажу у себя в студии, тепло, хорошо, за окном снег и дождь, а у меня на бумаге оживают желтые подсолнухи, ромашки, красные маки... Это просто чудо какое-то! – Аннета разве что не захлопала в ладоши в каком-то истерическом восторге.

Я готова была поспорить, что никаких подсолнухов и уж тем более маков вовсе она не рисовала. Так просто болтала об этом, чтобы поддержать разговор. Чтобы я не чувствовала себя белой вороной на фоне деловой, практичной (как и все окружение Нестора) Аннеты.

– А что Нестор? Не звонил? – спросила она как бы

вскользь, расставляя на столе салатники, куда собиралась разложить маринованные овощи. Вымоченная в рассоле капуста со специями – вот куда она сейчас запустила свои тонкие пальцы.

– Звонил. Сказал, что будет к ужину, – скучным голосом ответила я. Мне показалось, что в дверях возник силуэт моей недоверчивой соседки Людмилы – собственной персоной. Она делала мне какие-то знаки, вероятно, хотела меня о чем-то предупредить, но я лишь пожала плечами. Что я могла сделать?

И тут я словно услышала голос Людмилы: спроси Аннету прямо в лоб, как они познакомились с Нестором.

– Кстати, о Несторе... – начала я неуверенно, раскладывая по периметру овального блюда тугие розоватые головки маринованного чеснока, чтобы в центр поместить горку оранжевой, мокрой, пересыпанной душистым кориандром, моркови. – Где вы с ним познакомились? – И замерла, ожидая услышать расплывчатый, вежливый ответ.

– На охоте. Он убил моего мужа. Случайно. Это случилось больше десяти лет тому назад. И вот с тех самых пор он помогает мне, опекает. Он думает, что я держу на него зло. Но это не так. Я же все понимаю! И еще неизвестно, кому тяжелее – мне или ему. Я-то со своим горем смирилась, Дениса все равно уже не вернешь, а вот Нестор потерял не только своего друга, но и душевный покой. Я думала, он рассказал тебе об этом.

Я посмотрела туда, где недавно маячил силуэт моей соседки. Она ретировалась, явно удовлетворенная ответом Аннеты.

– Нет, не рассказывал. Да я и не спрашивала.

Какая удобная и вместе с тем красивая, романтическая история: охота, смерть, полные слез, широко раскрытые глаза перепуганной Аннеты... В сущности, таких историй, где Нестор предстал бы передо мною в неприглядном виде, можно было придумать сотню. Однако я решила для себя, что теперь пришла очередь расспросить об этом самого Нестора. Если он промолчит, я пойму, что ему тяжело обо всем вспоминать. А если он расскажет об этом эпизоде примерно в тех же выражениях, как это сделала Аннета, придется ему поверить.

Мы с Аннетой накрыли на стол. Нестора еще не было, и мне совершенно не хотелось проводить остаток времени до его приезда в обществе, извините, вдовы. У меня была своя жизнь, свои желания. Но как сказать Аннете, к которой я успела уже охладеть и теперь подозревала ее в шпионаже (ее трагическая история, как оказалось, совершенно не повлияла на мое подозрительное отношение к ней), что мне хочется пойти в свою спальню, поставить Второй концерт Рахманинова и забыться, унести куды подальше от всех этих романтических бредней на тему охоты. И что я не обязана принимать ее у себя каждый день и уж тем более развлекать ее постоянно только лишь из-за того, что когда-то мой муж

принял ее мужа за прятавшихся в зарослях косулю или зайца.

Но как сказать это ей, уверенной в том, что она стала для меня близким человеком и ее присутствие доставляет мне радость? Хотя чему же тут удивляться, если я, увидев ее, улыбалась, как идиотка, и говорила, что я ужасно рада ее видеть! Но это было прежде. Теперь же со мной творилось что-то необъяснимое. Я хотела избавиться от Аннеты и зажить самостоятельной жизнью, впрочем, всего лишь той, какой я жила до ее появления в нашем доме. Мавр сделал свое дело! Аннета должна удалиться и оставить меня наконец в покое. Как же это устроить? Как помочь ей понять, что она – нежеланный гость в моем доме? Но поскольку Нестор испытывает по отношению к ней чувство вины и считает себя обязанным помогать ей, следовательно, надо все перевернуть с ног на голову и сделать так, чтобы это она почувствовала себя виноватой по отношению к нему ли, ко мне. И чтобы тот проступок, который она должна будет совершить (не без моего участия), заметил и оценил мой Нестор – в мою пользу. Вот и все! Остается только придумать некий умный и точный ход, с помощью которого я и избавлюсь от Аннеты.

А это означало, что пока что действовать еще рано, все должно оставаться по-прежнему, чтобы никто ни о чем не догадался. И Рахманинова мне придется отложить на потом.

– Может, ты мне погадаешь? – спросила я, зная, что Анне-

та всегда гадает с удовольствием, ее захватывает сам процесс изучения карточных комбинаций. Что она, уже научившаяся «фотографировать» и соединять взглядом подходящие друг другу половинки египетских карт Таро (сердце, пронзенное стрелой, или желтое, словно нарисованное ребенком, солнце), с не присущими ей страстью и красноречием начинает рассказывать тебе о твоей жизни: что было, что произойдет с тобой в ближайшие пару дней или в следующем месяце.

Как я и предполагала, Аннета, услышав мою просьбу, просто просияла:

– Да, конечно!

Я принесла из спальни карты, и мы устроились за столиком в гостиной. Аннета в предвкушении приятного занятия потерла ладони и шумно вздохнула:

– Ну-с, приступим-с...

И карты начали волшебным образом укладываться в различные комбинации на стеклянной поверхности столика. Сердце мое забилося...

Пока Аннета раскладывала карты и думала, как бы поинтереснее преподнести мне полученную ею в зашифрованных детских картинках-раскрасках информацию о моей жизни, я ломала голову над тем, как бы посногшибательнее скомпрометировать ее саму в глазах смертельно виноватого перед нею Нестора. Что разозлило бы его, что заставило бы отказать ей в возможности посещения его дома, в его дружбе, и что, наконец, сняло бы с него всю ответственность и вину

за убийство ее мужа?

Варианты вырисовывались как-то медленно и словно бы нехотя. Смерть за смерть, например. Что, если все эти годы Аннета лелеяла в своем сердце мысль: отомстить Нестору таким же болезненным образом, как убийство близкого Нестору человека, то есть меня? Все эти десять лет она усиленно думала, как бы побольнее ему отомстить, и вот наконец придумала. И жертвой должна стать я – жена Нестора. Молодая и красивая. Доказательства? Где их взять? Какого рода доказательный материал должен сработать в подобной версии? Видео– или аудиозапись? Документально-письменное подтверждение?

Я настолько увлеклась этими мыслями, что совершенно перестала воспринимать то, о чем Аннета уже давно вещала мне с серьезным выражением лица. Брови ее хмурились, уголки рта опускались... Или, наоборот, она вдруг начинала сиять и радоваться каким-то якобы предстоящим мне удачам. Получалось, что я воспринимала выдаваемую мне информацию лишь зрительно, наблюдая за выражением ее подвижного нервного лица.

Когда же, пребывая в каком-то расслабленном состоянии (мысли мои витали слишком далеко, чтобы уловить смысл произносимых ею фраз), я бросила рассеянный взгляд на карты, я увидела, что Аннета судорожным движением мешает и путает их. Причем прикасаясь к ним так, словно они вдруг раскалились и жгут ее пальцы.

– Что, что случилось? – До меня вдруг дошло – она таким образом пыталась скрыть от меня что-то: она не хотела, чтобы я о чем-то узнала.

– Так, ничего... К тебе это не относится.

Однако она побледнела. Почему? Неужели карты «считали» мои тайные злобные мысли и она каким-то непостижимым для меня образом узнала, что я готовлю для нее бомбу? Может, на этих картинках неожиданно возникла эта нарисованная детской рукой бомба?

– Постой! – Я положила руку на ее ладонь, закрывавшую карты. – Говори, что там?

– Сказала же, это не о тебе. Просто где-то рядом... Это лишь косвенным образом может коснуться тебя.

Я с силой оторвала ее руку от карт и увидела разъехавшиеся в разные стороны две, словно пустившие друг в друга корни, половинки картинок – половинки гроба с православным крестом на крышке.

– Кто-то умрет? – заволновалась я. – Но кто? Кто?!

– Повторяю... – Голос ее дрожал, хотя она и старалась не терять спокойствия. – Это к тебе не относится. Я же лучше знаю...

Пока мы спорили, не заметили, как в гостиной появился Нестор.

– Добрый вечер, девочки! – Он выглядел уставшим. – Как дела? Чем занимаетесь?

Аннета поворошила карты и улыбнулась:

– Так, развлекаемся, поджидая тебя. Проходи, ужинать будем.

Она сказала это так, что по спине у меня зазмеился липкий холодок ревности, и я поняла, что она ответила ему так, как может ответить только жена.

– Да, конечно же, она все наврала тебе про охоту и убийство ее мужа! Аннета – его бывшая жена! – беззвучно воскликнула, негодуя всплеснув руками, внезапно появившаяся вновь в дверях (или в моем воображении) Людмила. – И как это мы с тобой раньше не догадались?!

– Мадемуазель Рей, прошу вас, успокойтесь, постарайтесь взять себя в руки. Итак. Когда исчез ваш брат Аллен?

– Позавчера. Сначала я подумала, что он у своей приятельницы, Мимы, она живет в пригороде Парижа, у нее свой дом. Аллен увлекся одной очень простой карточной игрой... Прежде он никогда не играл в карты, даже в детстве. А это... Словом, они встречаются за ужином – Мима с Алленом и ее соседи, одна милая супружеская пара, Лерои, они еще молодые совсем. Словом, им интересно вчетвером. Так вот. Они собираются и играют в карты. Очень простая игра, он показывал мне, как это делается, и я даже сама немного увлеклась. Но у меня работа, я не могу вот так легко отправиться к Миме и присоединиться к их игре. У них своя компания.

– Мадемуазель Рей, успокойтесь, пожалуйста. И прекратите рассказывать мне про карточную игру. Мы говорим сейчас о вашем брате Аллене. Ведь он, насколько мне известно, знаменитый пианист, человек необычайно талантливый, и его время тоже как бы расписано наперед. Концерты, гастроли...

– Да, все это верно. Но ведь близится Рождество, и Аллен уже заявил своему агенту, что вторую половину декабря он намерен провести дома, мол, это святое. К тому же он сейчас разучивает новую программу и у него много работы.

– Расскажите еще раз, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах он исчез.

– Хорошо. Тринадцатого января утром он был дома. Это абсолютно точно, потому что я лично готовила ему завтрак. Наша служанка, Соланж, подхватила где-то вирус, думаю, у нее грипп. И я запретила ей показываться у нас. Она кашляла и чихала прямо на рояль, когда вытирала с него пыль. Я ей говорю: «Ты что делаешь? У Аллена и без того слабое здоровье, а тут еще ты со своими соплями!» Вы уж извините, господин комиссар, что у меня это прозвучало так грубо, но я рассказываю все, как было. Так вот. Она тринадцатого января не явилась, и мне пришлось всю домашнюю работу взвалить на себя. Когда Аллен принимает душ, то, несмотря на то, что он плотно закрывает дверцу кабины, весь пол обычно бывает залит водой. Не знаю, как он умудряется! И мне пришлось вытирать пол, стирать его полотенце. А потом я готовила ему омлет, варила кофе.

– Мадемуазель Рей...

– Хорошо-хорошо, я понимаю, вас интересует главное: когда пропал Рей? Мы позавтракали, и вроде бы он вел себя как обычно. И в то же самое время он был не такой, как всегда. На его лице блуждала улыбка. Я даже в шутку спросила, не влюбился ли он. И знаете, что он мне ответил?! «Как ты думаешь, сколько может стоять домик в Кап-Ферра?»

– Где-где?

– Вот и я переспросила! Я знаю, что Аллен всегда меч-

тал иметь дом на Ривьере, это было бы идеальным местом, где он мог бы отдыхать между гастрольями и готовиться к новым концертам. Но это очень дорого, господин комиссар. Одна моя знакомая тоже однажды так размечталась и поехала в Ниццу. Она вернулась оттуда в страшной депрессии. Сказала, что не потянет даже маленький домик – так выросли цены.

– Мадемуазель Рей!

– Да, я понимаю... Но Аллен на самом деле за завтраком говорил о том, что его мечта вполне может осуществиться, если только он... проявит решительность.

– Он так и сказал?

– Да, клянусь вам, господин комиссар! Я еще спросила его, неужели его агент так расстарался, что его концерты пройдут в «Carnegie Hall» и «Lincoln Center» в Нью-Йорке, или в «Kennedy Center» в Вашингтоне? Понимаю, это прозвучало, вероятно, почти как издевка, поскольку Аллен еще слишком молод, чтобы выступать на таких сценах и с такими оркестрами, как Чикагский, Питсбургский, или с оркестром Цинциннати, но он не обиделся! Тем более что ему есть чем гордиться! Аллен работал с Национальным оркестром Франции, с Оркестром Капитолия Тулузы, с Филармоническим оркестром Французского радио, с Оркестром де Пари...

– Мадемуазель Рей!!!

– Да-да, я понимаю... Вот! Вспомнила! Он произнес одну туманную фразу, смысла которой я тогда не уловила.

– Ну и?.. Что он сказал?

– Что-то вроде: «У русских денег – куры не клюют». Вы понимаете, что может означать эта фраза?

– Ну, да... Вероятно, он имел в виду концерты в России?

– Он уже выступал с концертами в Москве! Но ему не заплатили там такие большие деньги, о которых можно вообще помнить. Не говоря уже о том, чтобы на них стало возможно приобрести недвижимость. Разве что ручку двери на чердаке на Монмартре.

– ???

– Ну это я, конечно, преувеличила. Но что такое в наше время две тысячи евро?!

– Мадемуазель Рей, что еще ваш брат сказал о русских?

– Сказал, что русские любят классику, они – истинные ценители прекрасного, раз готовы за частный концерт заплатить столько, сколько он зарабатывает за целый год!

– Частный концерт? Это интересно! Но я разговаривал с его агентом. Господин Либерман сказал, что ближайшие гастроли Аллена запланированы лишь на январь следующего года! Это... момент, у меня тут список... Вот: Берлин, Бонн, Гамбург, Ганновер, Дрезден, Дюссельдорф, Кельн, Лейпциг, Мюнхен...

– Да, Айзек... То есть я хотела сказать, господин Либерман сказал мне то же самое.

– Получается, что Аллен не собирался в Россию. Кроме того, мы проверили все авиарейсы из Франции в Россию –

в списках пассажиров на регулярные рейсы и чартеры ваш брат не числится. Не думаю, что если бы он, к примеру, все же собрался в Москву, то поехал бы автостопом или поездом.

– Нет-нет, что вы! Аллен ведь такой нетерпеливый человек. Самолеты, воздух, небо – вот его стихия.

– Вот вы сказали, что ваша служанка тринадцатого числа в доме не появлялась. Но как же в таком случае объяснить, что, когда подружка вашего брата, Мима, позвонила вам, обеспокоенная исчезновением Аллена, вы ответили ей следующее... Момент. У меня тут записано: «Служанка сказала, что он взял ноты, пижаму и уехал в такси». И как же все это понимать? Если Соланж не было в квартире – ведь она, по вашим же словам, подхватила вирус и осталась дома, – то откуда же она могла знать, что ваш брат взял ноты, пижаму и уехал в такси?

– Все правильно! Ведь Мима позвонила уже на третий день после исчезновения Аллена. Соланж – аккуратная девушка, она отлично знает, сколько пижам у Аллена, к тому же она разбирается в нотах, то есть, когда Аллен собирается на гастроли, она вместе с ним упаковывает и ноты. Когда я позволила ей после ее выздоровления появиться в нашем доме, мы с нею вместе осмотрели вещи Аллена. Тогда-то она и сказала мне, что исчез небольшой зеленый чемодан Аллена, его кофр с концертным фракком, а также ноты «Детских сцен» и «Симфонические этюды» Шумана, фортепьянные

сочинения Чайковского и Рахманинова, и еще – Шопена.

– Достаточно, я все понял. То есть ваш брат вовсе не исчез, а собрался куда-то на гастроли, прихватив фрак, пижаму и ноты? В таком случае я не понимаю, в чем дело и почему вы обратились в полицию? С чего вы решили, что его похитили?

– Но я не сказала, что его похитили! Просто он исчез, понимаете? Он ничего не сообщил мне, своей сестре, близкому ему человеку! Не знает, куда он делся, и его девушка, Мима. И телефон его выключен! Поймите, Аллен не такой человек, чтобы так себя вести. Он должен был предупредить всех нас о том, куда он направляется. Мы же здесь с ума сходим!

– Еще вопрос. Вот вы позавтракали. Что было потом? Когда вы в последний раз видели вашего брата?

– После завтрака он поднялся к себе, а я поехала за покупками. А когда вернулась, его уже не было дома.

– Какие покупки вы сделали и где?

– Поскольку у меня изнасились домашние тапочки, я решила купить новые, а к ним – халат и еще несколько полотенец. Словом, обычные покупки, но у меня на них ушло полдня. Если уж вам так любопытно, то я была на улице Риволи, в «Самаритен». Однако покупкой халата и тапочек дело не обошлось, я вспомнила, что растеряла почти все свои носовые платки...

– Мадемуазель Рей!

– Господин комиссар, вы задаете мне вопросы, я пытаюсь

ответить на них как можно точнее и подробнее, но это вас почему-то раздражает! И вообще, мне кажется, вы не верите, что Аллен исчез. Вы не говорите это прямо, но я чувствую это по вашим вопросам и намекам. Аллен не мог, не поставив меня и Миму в известность, отправиться куда бы то ни было с кофром, в котором он возит фрак, и с пачкой нот, не говоря уже о пижаме! К тому же если бы речь шла о его выступлениях (я уже не смею говорить о гастролях), то Айзек, то есть господин Либерман, непременно оказался бы в курсе. А так – никто ничего не знает, а мой брат словно сквозь землю провалился!

– Нестор, скажи мне, почему ты выбрал именно меня? Почему женился на мне? Быть может, ты поспорил с друзьями, что женишься на первой встречной?

Я лежала в объятиях Нестора и пыталась проломить ледяную стену, о существовании которой знали лишь мы двое. Невидимая, но хорошо ощущаемая, холодная, гладкая и блестящая, она отгораживала от меня моего мужа, отсекала меня от его душевных переживаний, мыслей, сокровенных желаний, и я не знала, что мне сделать и как дать ему понять, что та забота, которой он окружил меня, имела такое большое значение лишь в самом начале наших отношений. А теперь мне этого стало мало, мне хочется его любви и, главное, доверия.

Он прижал меня к себе и поцеловал в макушку. Как целуют малолеток-любовниц, нимфеток и дочерей.

– Увидел тебя и полюбил. – Он почему-то вздохнул.

– Нестор, откуда ты знаешь Аннету? Кто она? – Сама не знаю, как Аннета попала в этот список терзавших меня душевных и любовных переживаний.

– Аннета? – Он даже не повернул головы и лежал, глядя в потолок и думая о чем-то своем, для меня недостижимом. – Аннета... Она – просто хороший человек. Вот и все. А что?

Она тебя как-то напрягает?

– Может, ты будешь смеяться, но я ревную ее к тебе, – солгала я, потому что ревновать его самого к Аннете у меня пока что как-то не получалось, даже при всех стараниях моей соседки.

– Глупости. Аннета – не та женщина, к которой меня можно было бы ревновать.

– Это потому, что ты до сих пор чувствуешь перед ней свою вину? Скажи, ну неужели нельзя ничего такого придумать, чтобы избавиться от этих ощущений, чтобы сбросить с себя этот гнет? Ведь прошло уже столько лет... – Мне искренне хотелось ему помочь. И дать ему понять, что я все знаю.

– Не понимаю... – сонным голосом произнес Нестор, сгребая меня в охапку и устраиваясь поудобнее. – Какое чувство вины? О чем ты, Тая?

И, уж конечно, я не услышала в его тоне ни страха, ни удивления. Он вообще не воспринимал меня всерьез.

– Так ведь ты же убил ее мужа!

Я почувствовала, как кольцо его рук ослабло, а он сам словно перестал дышать. Потом он взял меня за плечи и повернул лицом к себе, заглянул в мои глаза. Розоватый свет ночной лампы осветил его удивленное лицо. Вот наконец-то первая реакция! Он хотя бы удивился!

– Тая, что за бред ты несешь?! Какого еще мужа? – В его глазах загорелся лукавый огонек.

– Я сегодня спросила у нее, где и при каких обстоятельствах вы познакомились, и она рассказала мне... – И я поведала Нестору романтическую историю, в которую посвятила меня Аннета. Однако уже в процессе этого пересказа мне и самой вдруг показалось, что я несу полную чушь. Мне даже неловко стало, словно все это я сочинила буквально минуту тому назад.

– На охоте?! Надо же! Тая, дорогая, во-первых, я не люблю охоту. Во-вторых, у Аннеты никогда в жизни не было мужа. В-третьих... Это она тебе рассказала? – Его губы растянулись в ироничной улыбке.

– Ну да! А ты полагаешь, что это я все придумала? Да, я очень расстроилась, когда она мне об этом рассказала. Представила себе, что ты почувствовал в ту минуту, поняв, что подстрелил своего друга.

– Аннета! Вот ведь фантазерка! Не обращай на нее внимания. Она все это выдумала.

– Но зачем?! Какой в этом смысл?! Может, для того, чтобы скрыть от меня что-то такое... – Тут я поняла, что приблизилась к теме, которая может показаться Нестору неприятной. И я испугалась, что он сейчас резко прервет наш разговор.

– Ничего такого нет. Давай спать... У меня был трудный день.

Вот и все. Все произошло так, как я и предполагала.

Нестор просто закрыл эту тему, словно бы захлопнул перед моим носом дверь. За которой скрывалось то, о чем я не должна была знать.

Я молча высвободилась из кольца его рук, повернулась к нему спиной и закрыла глаза.

Тренер по фитнесу. Что может быть пошлее и проще?

Его звали Алексей, он был молод, красив, обаятелен. У него были прекрасные зубы, и от его улыбки у Людмилы кружилась голова. Ей казалось, что когда он улыбается, то взгляд его обращен именно к ней. Получалось, что те пять килограммов, которые она сбросила в первую же неделю, превратили ее, полноватую и не очень молодую уже женщину, в загадочную зрелую даму, опытную, именно такую, о какой мечтают пресыщенные молоденькими шлюшками молодые парни вроде Алексея.

Людмила купила черный гимнастический купальник и нашла, что она в нем смотрится очень даже недурно. Во всяком случае, когда она рассматривала свое отражение в зеркале анфас, она себе нравилась. Стоило же ей повернуться в профиль, как обнаруживался ее круглый животик. Но она постарается сделать все, чтобы и он тоже исчез.

Специалист-диетолог, худенькая брюнетка со строгим взглядом, расписала ей меню на неделю, но разговаривала она с Людой таким тоном, словно ей приходилось вести беседы с такими же толстушками каждый день по многу часов, а проку из этого не получалось никакого. Чувствовалось, что она, эта девушка-диетолог, не верит в то, что и Людмила может вернуть себе прежние соблазнительные формы, и что

она только первые пару недель будет пытаться ограничивать себя в еде, истязая себя одними овощами и фруктами, а потом вернется к прежнему обжорству. Как и все другие. Однако Людмила, мечтая о том, как бы заполучить себе в любовники Алексея, напрочь отказалась от калорийных продуктов, в точности выполняла все предписания диетолога, по несколько часов в день занималась физическими упражнениями, пила специально заваренные травяные чаи и минеральную воду и уже через месяц этих пыток ощутила легкость во всем теле. Да и кожа ее посвежела.

— Люда, да вас не узнать! — Улыбка Алексея была обращена теперь уже точно к ней. — Вот что значит, когда женщина хочет добиться результатов!

Какие простые слова, а как хочется верить, что она своими усилиями на самом деле привлекла его внимание.

В ответ на его реплику она, усиленно проделывающая сложные упражнения на мате, ограничилась лишь кивком головы — мол, спасибо. Зачем форсировать развитие событий?

Время шло, Людмила и сама почувствовала, что она увлеклась новым образом жизни, стала намного спокойнее спать. Да что там спокойнее? Она спала как убитая! При чем засыпала, не дожидаясь возвращения мужа, и по утрам уже не упрекала его, как прежде, а спокойно готовила ему завтрак, сытный, калорийный, с ветчиной, колбасой, сыром и прочими вкусностями, на которые сама уже старалась

не смотреть, ограничиваясь жидкой овсянкой и яблоком.

– Люда, ты себя нормально чувствуешь? – спрашивал муж, с изумлением глядя на ее завтрак и с трудом сдерживаясь, чтобы не сморщиться при виде мутноватой жижи, размазанной по ее тарелке.

– Нормально. Не видишь – работаю над собой, – она, казалось, и сама иронизировала над собой, чтобы опередить в этом мужа. – Ты же помнишь, какая у меня была фигура... Так хочется вернуть прежнюю стройность!

– Помню. Осиная талия, большие сиськи и крутые бедра. Не женщина – мечта! – улыбался муж, и в эти минуты Людмилу охватывала грусть. Словно для него, для мужика, самым важным было именно женское тело, а не то, что находилось в ее голове и тем более в душе. Неужели он так и не сроднился с нею за все эти годы, неужели он не любит ее так, как прежде? Неужели он так и не оценил ее заботу, ее стремление во всем угодить ему, помочь, приласкать?

– Не переживай ты так, – однажды сказал он, целуя ее в щеку. – Ты отлично выглядишь! Между прочим, это все отметили.

– Кто это все?

– Ты же вчера приходила ко мне на работу, тебя все видели.

– Но я же пробыла там всего пару минут! – Она затаила дыхание, предчувствуя ценный и редкий комплимент.

– Все равно. Все сказали мне, что ты заметно похорошела,

помолодела... Так что я счастлив.

– Если бы ты был счастлив, то приходил бы домой пораньше, – она и сама не знала, как это сорвалось у нее с языка. Упрекнула. Не хотела, но все равно упрекнула его.

– Да я и сам был бы только рад, но у нас сейчас такая ситуация... Словом, очень много работы, малыш.

Услышав это «малыш», она почувствовала, как сердце ее забилось быстрее. Точно так же он обращался к ней раньше, в пору их только зарождавшихся любовных отношений. И хотя она всего-то на пару лет его младше, ей было приятно сознавать, что она для него словно девочка. Милый такой несмышлениш, которого он, следуя правилам опасной любовной игры, потихоньку развращает...

Но все это было давно. И прежних любовных отношений им уже никогда не вернуть. А раз так, она должна продолжать жить собственной жизнью и прекратить так изводиться от ревности, сравнивая себя с предполагаемыми любовницами мужа.

Посматривая в сторону тренера, она часто спрашивала себя: неужели все радости жизни связаны именно с любовными похождениями? И так ли уж ей нужен этот Алексей? Не слишком ли это хлопотно – иметь любовника, которого придется постоянно скрывать? Это весьма рискованно. А что, если муж заметит? Что он сделает? Подаст на развод? Но она вовсе не хотела развода! Не представляла себе жиз-

ни без Георгия, как не представляла себя без этого дома, без привычной обстановки, без своих любимых кухни и спальни. Комфорт, благоустроенный быт плюс определенное положение в обществе – она не может отказаться от этого ради какого-то там тренера! Это было бы глупо. Да и в сексуальном плане она женщина довольно-таки спокойная, и от Георгия-то она хотела отнюдь не страстных любовных игр, а всего лишь немного ласки, внимания, нежности. Хотя, нет... Зачем обманывать себя? От мужа она ждет именно любви, а это чувство словами не объяснишь. Чтобы он посмотрел на нее так, как смотрел прежде, когда не мог прожить без нее ни минуты, когда постоянно держал ее за руку, брал ее повсюду с собою и шептал ей на ухо разные нежности. Она была любима, а это чувство полной власти и одновременно зависимости от мужчины дорогого стоит!

Так стоит ли ей заводить любовника? И ради чего? Получалось, для того, чтобы отомстить мужу, но так, чтобы он об этом не узнал. Но тогда в чем же смысл подобной мести, которую Георгий даже не прочувствует? Разве под мыслями о любовнике она не подразумевает причинения мужу такой же сильной боли, какую он причиняет ей, в свою очередь, своими любовницами? Но если она скроет от него Алексея, то как же он испытает эти муки ревности?

Разве что она сама как-то внутренне успокоится и просто будет знать, что и она обманула мужа и теперь они квиты. И ради этого соблазнять молодого парня, снимать квар-

тиру для встреч, а может, если таковы негласные правила, еще и содержать его?! Да не проще ли все эти деньги, которые она собирается ухнуть на любовника, потратить на путешествия? Найти себе подружку для поездок и развлечься самым безобидным образом?

Так-то оно так, да только как она сможет спокойно путешествовать, когда в ее воображении постоянно будут возникать картины измен Георгия? Он будет незримо преследовать ее, вкуче со своими девками, во всех странах и на всех континентах! Она будет обречена вечно возить их за собой, как некий тяжкий багаж страданий и ревности, покатит всю эту «веселую» компанию на колесиках по всем аэропортам и вокзалам, прислушиваясь к доносящимся из этого «чемодана терзаний» молодому женскому хохоту и страстным мужским постанываниям.

Вот и получалось, что любовник нужен не только для физических удовольствий, но и для того, чтобы отвлечься от своих переживаний, попробовать пожить своей, частной, личной, интимной, приватной жизнью. И если, вернувшись со свидания в приподнятом настроении и преисполненная приятными чувствами, она одним своим счастливым видом и выдаст наличие у себя любовника, то пусть теперь помучается ревностью и Гоша. Так ему и надо! Не пойман – не вор.

Но, с другой стороны, Георгий – человек непростой и к тому же весьма самолюбивый. А потому, заметив перемены в жене, он, безусловно, наймет частного детектива и велит

ему проследить за ней. Она не маленькая девочка – и книжки читает, и фильмы смотрит об этом. И что тогда? А тогда ей придется посвятить свое время тому, как одурачить всех частных детективов на свете. Она снимет квартиру в доме, где живет одна из ее подруг, и начнет ездить в гости именно к ней. Надо только подумать, кого из ее окружения возможно посвятить в ее тайну, кто не проболтается и поможет ей и ее любовнику встречаться. А это значит, что, когда муж позвонит, к примеру, этой подруге (муж, которого осведомит частный сыщик о том, что жена его что-то зачастила к подружке), желая поговорить со своей благоверной, подружка позвонит в дверь квартиры, где будут ворковать голубки (это местечко должно располагаться где-то совсем близко от квартиры подружки), чтобы вручить трубку своего домашнего телефона непосредственно его жене: вот, мол, поговорите... И тогда алиби ее будет обеспечено.

Однако все это довольно-таки проблематично и хлопотно. Найти съемную квартиру в одном из домов, где живут ее подруги (причем все, как правило, замужние), не так-то и просто. Тем более что те дома, в которых живут их с Георгием общие знакомые, считаются элитными, дорогими, да и квартиры там, как правило, не сдают. Это во-первых. Во-вторых, ну не может она вот так, сразу, назвать самой себе имя такой преданной подруги. А если не может сразу, не раздумывая, значит, таких подруг у нее и нет. Нет в природе. В принципе. Все они будут только рады разломать семейную жизнь Зава-

листных. Просто так! От скуки! От зависти! Значит, лучше ей с ними вообще не связываться. Но тогда как же ей все так устроить, чтобы сыщик, нанятый Георгием, не догадался, что Людмила встречается с любовником? Разве что не выходить из дома... Но принимать мужчину у себя в доме – это слишком опасно!

Рассуждая как-то раз таким примерно образом, Людмила подошла к окну и увидела башенки соседнего особняка Боровых. Таисия! Вот уж кто действительно никогда и никого не предаст! Не девочка – ангел! К тому же одинокая. Замужем и не замужем одновременно. Терпит рядом с собой какую-то непонятную, а значит, и опасную Аннету, пытается сделать вид, что она увлеклась музыкой, хотя на самом деле, по мнению Людмилы, она таким образом пытается привлечь к себе внимание мужа. На какой-то миг ей показалось, что их с Таисией сближает именно тот факт, что их мужья редко бывают дома, что они вечно заняты на своей работе, часто выезжают в командировки и обрекают своих жен на одиночество, скуку и тоску. (Господи, как же много об этом говорят и пишут! Новые русские и их скучающие жены! Может, ей просто стоит заняться каким-то делом и прекратить ныть из-за обилия излишне свободного времени?!) Но одно дело – всего лишь об этом подумать, другое – кардинально изменить образ жизни и лишиться себя возможности спать вдоволь, целыми днями ходить по магазинам, заниматься своей

внешностью.

Таисия... Вернее, ее дом. Большой дом, с башенками, с парадным крыльцом, огромным холлом, многочисленными комнатами: гостинными, столовыми, спальнями, ванными комнатами, кладовками... И с черным ходом. Для прислуги. Которой у них нет. Когда строили дом, архитектор предполагал наличие у хозяев прислуги. Иначе как убирать такой дом? Но оказалось, что когда нет детей и гостей, то и убирать его не так уж сложно. Во всяком случае, в доме у Боровых всегда чисто. И всегда есть вкусная еда. И все это – дело рук Таисии.

Людмила вспомнила свою домработницу Таню: она вечно сует нос не в свое дело, постоянно путается под ногами, все делает неряшливо, небрежно, да еще и продукты ворует... Но если прогнать Таню, то когда еще они найдут другую прислугу? И где гарантия, что очередная девушка окажется лучше ее – чище, порядочнее? Все это слишком сложно, утомительно и рискованно.

Так-так. Таисия! Ее дом. Черный ход... Куда он ведет? В комнату для гостей, которая тоже всегда пустует? Для гостей она или для прислуги? Хотя, собственно, какая разница, если там никто не живет! И рядом есть ванная комната. С горячей водой.

Людмила мысленно уже отперла «черную» дверь, вошла в тихий, пустой почему-то дом и потянула за собой своего невидимого и пока еще неоощуяемого любовника...

Тс-с-с!.. Иди тихо, малыш, скажет она ему. Чтобы хозяева не услышали. Она приводит его в пустую чистую комнату с широкой двуспальной кроватью посередине, запирает дверь изнутри... И все. Они – вдвоем. Сыщик обманут! Георгий – тоже! Таисия – пардон, тоже. И сам Боров в том числе. Никому, ну никому и никогда не придет в голову заглянуть в их комнату для гостей! Гостей, которых у них не бывает. Таисия убирается по утрам. После обеда она, по ее словам, готовит, слушает музыку, смотрит фильмы, спит, читает, словом, живет нормальной жизнью нормальной домохозяйки. Может еще отправиться за покупками в город.

Что еще удобно, так это то, что комната для гостей, так же, как и черный ход, расположена в вытянутом, предназначенном для хозяйственных нужд крыле дома. Да, наверное, все-таки это комната для прислуги, раз рядом расположены пустующие пока что кладовки плюс необжитая, незадействованная – до лучших времен – морозильная камера. («Зачем мне она? Я что, целую корову стану в ней замораживать? Вот когда будет у нас большая семья, когда понадобится много продуктов, тогда и включим ее...») Золотые слова сказала как-то Таисия! Вот и получается, с авантюристическим, адриналиновым каким-то трепетом подумала Людмила, что если по-тихому войти в их дом с черного хода (предварительно разжившись ключами), то хозяева и не услышат ничего. Таисия, во всяком случае, уж точно! А если она и услышит

что-то... Так! Сначала Люда хотела было подумать о том, что с Таисией-то они, в крайнем случае, договорятся. Ну если Тая все же застукает свою соседку с ее любовником в своем собственном доме... Но потом Людмила решила, что это полная утопия и что, услышав подозрительные звуки внизу, Таисия, как и всякий нормальный человек, вызовет милицию. И непременно позвонит мужу. И вот тогда будет скандал! Мировой скандалище. Все обо всем узнают! Людмиле от стыда придется эмигрировать... Куда-нибудь в Антарктиду. Где ее уж точно никто искать не примется. Хотя после всего того, что здесь случится, ее вообще никто искать не станет...

Нет, такая перспектива ее отнюдь не устраивала. Но что же делать? Идея-то отличная! Проводить время с любовником в соседнем доме!

Да, и еще один вопрос. Как подойти к дому Таи и не оказаться при этом кем-либо замеченной? Хотя почему незамеченной? Она может спокойно пойти к Таисии, позвонить в дверь. Та откроет, Людмила поднимется к ней, они посидят, поболтают, потом Людмила сделает вид, что уходит, а на самом деле, попросив хозяйку не провожать ее, выйдет на улицу, спрячется за углом, обойдет дом с другой стороны, войдет с черного хода и подождет своего любовника, которому она сама откроет дверь...

Так, размышляя, она поняла, что воспользоваться домом соседки она сможет лишь в отсутствие хозяев. Иначе просто

ничего у нее не получится. Площадка перед домом хорошо просматривается из окон, да и ключ раздобыть практически невозможно.

Между тем уверенность в том, что Алексею она нравится, росла в ее душе. Он бросал на нее долгие выразительные взгляды. Старался подольше и поближе держаться с нею рядом, помогая ей проделать очередное сложное упражнение. А когда он хватал ее своими сильными руками за ягодицы или за ляжку, когда ей требовалось потянуть мышцу и сильно прогнуться, – она испытывала волнение. Что это? Ей все это кажется, мерещится или на самом деле между ними вспыхнула искра взаимного желания?

Все произошло неожиданно и намного раньше, чем она себе это представляла.

После занятий (уходила уже последняя по времени группа) Алексей попросил ее немного задержаться, чтобы утрясти вопрос об оплате. Людмила была крайне удивлена, тем более что всего пару дней назад она внесла в кассу месячный взнос. В комнате тренеров сидел только Алексей. Едва она вошла, как он быстрым и точным движением запер дверь изнутри, приблизился к ней и сказал довольно дерзко, однако краснея: «Вы мне нравитесь, Люда!»

Она запричитала – лепетала все то, что говорят неуверенные в себе женщины в подобных случаях: «Вы с ума сошли! Что вы себе позволяете?! Я замужем!..» И прочую чушь. И это вместо того, чтобы молча согласиться на предложен-

ный вариант и получить удовольствие.

Возможно, что именно неожиданность первой их близости так распалила Людмилу, и она, вернувшись домой, долго не могла прийти в себя и успокоиться. Лежа в ванне с теплой водой, закрыв глаза, она все еще видела перед собой обнаженного Алексея, его розовые от волнения и возбуждения щеки, полузакрытые глаза... Для нее все произошедшее в комнате тренеров явилось сильнейшим физическим и душевным потрясением. Скованная, нерешительная, красная от стыда, она тем не менее не отказала этому парню, отдалась ему прямо там, на маленьком кожаном диване. И что может последовать вслед за этим, она и представления не имела. Но самым ужасным было бы, если бы на следующем занятии он перестал обращать на нее внимание и повел бы себя так, словно ничего и не произошло. Как это в обычаях у сегодняшней молодежи. Полная безответственность. Переспали – как кофейку вместе попили.

Поэтому Людмила в положенный день на тренировку не поехала. Осталась дома умирать от стыда и тоски. Ей казалось, что лицо ее теперь навсегда останется красным, стоит ей только вспомнить о том, что случилось в тренерской...

Чтобы как-то отвлечься от этих мыслей, она решила навестить подругу, то есть свою соседку Таисию. Тем более что в последнее время они что-то совсем перестали видеться. И все это – из-за желания Людмилы помочь соседке понять, что же представляет собою Аннета.

– Привет, Таечка! – Людмила стояла на крыльце, уверенная в том, что, несмотря на то что Тае, быть может, и не понравились ее предостережения относительно Аннеты, войти ей все равно позволят. Не такой человек Тая, чтобы, даже обидевшись, захлопнуть перед носом неприятного ей человека дверь. Впустит, даст Людмиле возможность извиниться. И простит ее наверняка.

– Привет, Людмила!

Казалось, Таисия ждала ее – настолько она обрадовалась ее приходу. Лицо ее просто светилось.

– Ну же, входи! Мне так много нужно тебе рассказать про эту Аннету!

Утром я твердо решила, что Нестор и Аннета что-то от меня скрывают, что они не воспринимают меня всерьез, а в их биографиях есть некая общая страница, доступ к которой для меня заблокирован. В минуты такого озарения начинаешь спрашивать себя: а зачем, собственно, Нестор, этот непростой и очень богатый человек (о котором я, между прочим, практически ничего не знала), женился на мне, на беспородной провинциалке, вместо того чтобы найти себе жену с классическим образованием, умницу-интеллигентку-красавицу из хорошей семьи или вообще – иностранку с папкой-миллионером? На худой конец, мог бы жениться и на какой-нибудь известной балерине или певице, гимнастке или фигуристке. Почему, почему он тогда на улице пристал именно ко мне?! И кто была та подвыпившая молодая женщина, проклинаяшая его на чем свет стоит?

Хотя, попыталась я рассмотреть эту тему и с другой стороны, да какая мне разница, почему он выбрал меня? Если разобраться, я получила от жизни все, что хотела. Я же не просила от судьбы любви и романтики! Мне хотелось денег. Теперь я богата, на моих счетах скопилось уже немало, именно этот-то факт и позволяет, очевидно, Нестору чувствовать себя в отношении меня относительно спокойно: мол, жена не станет задавать ему лишних вопросов... Но во-

прос все равно висит. Один-единственный. Почему я?

Нестор уже уехал на работу, когда я прибирала на кухне после завтрака и раздумывала о том, как бы мне избавиться от Аннеты, скомпрометировать ее, подставить, чтобы она лишилась – и навсегда – доверия моего мужа. И в эту минуту раздался звонок. Мне, привыкшей к нашему пустому тихому дому, показалось, что это сама жизнь позвонила в мою дверь. И, признаюсь честно, я ужасно обрадовалась, увидев на припорошенном снегом крыльце Людмилу, мою соседку. Вот уж на самом деле кого я хотела увидеть и с кем бы хотела посоветоваться!

– Привет, Людмила! – Я впустила ее в дом. – Ну же,ходи! Мне так много нужно тебе рассказать про эту Аннету!

Людмила, между прочим, сильно изменилась. Она выглядела просто сногшибательно. Похудела, похорошела, посвежела, помолодела.

– Что с тобой? Ты побывала на каком-нибудь дорогом курорте, в Лансерхоффе, к примеру?..

– Ба, Тая, откуда тебе известно о Лансерхоффе?

– А ты не догоняешь?

– Неужели... Аннета?

– Она! Правда, ей-то там делать абсолютно нечего, ей-то худеть не требуется, зато ее клиенты-пациенты, те, над чьим имиджем и стилем она работает, постоянно куда-то отлучаются на недельку-две, чтобы привести себя в норму. Ладно,

Люда, закрыли эту тему. Тем более что и тебе теперь худеть не надо. Ты выглядишь просто потрясающе! Надеюсь, твой Гоша от тебя в восторге?!

Мне понадобилось всего пара минут, чтобы накрыть стол для чая, поставить тарелочки-вазочки с кексами, рулетами, печеньем, вареньем.

– Нет, честно, где ты была? Как ты сумела так преобразиться?

– Тупо – фитнес. Не ела лишнего, много занималась. И не заметила сама, как втянулась, как мне все это стало даже нравиться. Единственный минус во всем этом – страшная нервотрепка, когда я сижу за рулем своей машины. Я от страха потею так, что по возвращении мне приходится отмачиваться в ванне. Это говоря откровенно.

– Я понимаю тебя. Когда я училась водить машину, я тоже боялась. Старалась ехать по правой стороне, постоянно косила глазом в зеркало, боялась, как бы меня не задели... Словом, я тебя понимаю. Зато когда наконец научишься водить машину, постепенно все страхи исчезают.

– Нет, они не исчезают. Больше того, ты же знаешь, у меня хорошая машина, дорогая, но я не испытываю никакого удовольствия от того, что езжу на ней. Наоборот – меня стало в дрожь бросать от одного вида моего «Бентли»! – сказала Люда.

– Что же делать? Может, тебе нанять водителя?

– Водитель – это шпион. Нет уж, спасибо!

– Ну, тогда пользуйся услугами такси.

– Ты не понимаешь... Я могу поехать в город, оставить машину где-нибудь на более-менее безопасной и удобной парковке и ходить по магазинам. Но ездить в «Коломбину»... Словом, это очень далеко, неудобно, да и улицы я до сих пор путаю. К тому же я теряю много времени. А уж если застряну в пробках, так и вовсе опаздываю.

– Людмила, ты что-то придумала. Я угадала? Вот, попробуй этот кекс... Хотя бы маленький кусочек.

Людмила покачала головой:

– Придумала. Я бы хотела иметь личного тренера, понимаешь? Чтобы он приезжал ко мне по утрам, а я занималась бы под его руководством, чтобы, глядя на него, у меня не возникало соблазна нарушить диету. Словом, домашний такой контроль.

– Он что, такой... хороший? – Мне не удалось скрыть улыбку. – Люда, да поступай так, как сама считаешь нужным! Главное, чтобы на это согласился твой Георгий. Хотя, если послушать тебя, он и без того занят так, что ему не до твоих тренеров. Когда муж ревнив и отслеживает каждый твой шаг – это тяжело, это невыносимо, ты чувствуешь себя как узница. И тогда ты меньше всего думаешь о любви – о его любви, – и его подозрительность оскорбляет тебя. Если же, наоборот, муж не обращает на тебя внимания и живет, как тебе кажется, своей жизнью, то и это нас оскорбляет, и это тоже плохо! Однако и в первом, и во втором случа-

ях из этих ситуаций можно извлечь определенную выгоду. В своем случае ты можешь воспользоваться постоянным отсутствием мужа, чтобы заниматься всем, чем тебе угодно.

Я говорила простые вещи, но видела, как Люда, слушая меня, воодушевляется, как загораются ее глаза. Как же иначе, ведь она увидела во мне единомышленницу, человека, способного ее понять и разделить ее проблемы и мечты.

– Значит, моя идея не выглядит совсем уж бредовой?

– Напротив. Это вполне разумное решение. Когда ты заговоришь с Гошей на эту тему, не забудь сделать акцент на своей личной безопасности, на том, что ты боишься водить машину, намекни, что машина-то недешевая и ты нервничаешь каждый раз, когда садишься за руль. Словом, выдай ему все аргументы и послушай, что он тебе ответит. Но мне почему-то кажется, что Георгий только обрадуется тому, что ты чем-то увлеклась. Пусть это будет даже просто переоборудование одной из комнат под маленький тренажерный зал...

– ...и маленький бассейн. Цвета морской волны!

– Но есть ли прок от маленького бассейна, если ты не сможешь там плавать, а лишь окунаться? Бассейн, насколько я поняла, нужен для того, чтобы ты тренировалась там в плавании, двигалась, продолжала контролировать свой вес и поддерживать хорошую физическую форму. Кроме того, бассейн закаляет, ты станешь здоровее, красивее! Разве не этого хочет твой муж?

– Думаю, ты права, и он даст мне денег на все это. И зна-

ешь что еще? Ты тоже сможешь приходить ко мне поплавать.

– Вообще-то у нас есть бассейн, правда, мы так ни разу и не наполняли его водой...

– Так это в саду! А я-то хочу закрытый, то есть нам придется сделать пристройку к дому.

– Сейчас ведь зима. Разве зимой строят?

– Вот! Я и к этому вопросу тоже подготовилась, все узнала. Оказывается, и почву под фундамент можно прогревать, и бетонную смесь! Когда есть деньги – можно все!

– Как это – подогревать? Что-то сомневаюсь я насчет этого...

– Поверь мне! Я даже связалась по Интернету с одной строительной фирмой, и мне прислали ответ. Вот, смотри.

И Людмила, блестя счастливыми глазами, достала из кармана сложенную пополам страницу с распечатанным текстом, где черным по белому было написано обо всех прелестях и тонкостях зимней стройки: подогрев бетона, электродный прогрев, бетонирование в термоактивной (греющей) опалубке, метод «термоса» (использование утепленной опалубки с устройством поверх нее защитного слоя, подготовка раствора бетона с использованием морозостойких добавок, прогрев инфракрасными источниками тепла (ТЭНами, керамическими стержневыми излучателями, кварцевыми трубчатыми излучателями) и прочим.

– Что ж, я вижу, ты действительно хорошо подготовилась.

Тогда тем более тебе нечего так переживать по поводу этого разговора с Гошей.

Немного успокоившись, Людмила допила чай и решила, что теперь самое время поговорить о моих проблемах.

— Ну, что там с твоей Аннетой?

И тут вдруг я поняла, что не очень-то желаю посвящать ее в свои планы.

— Да ничего особенного. Просто я пыталась выяснить, когда и при каких обстоятельствах они познакомились с Нестором, но так ничего толком и не узнала. Кажется, он был знаком с ее мужем или что-то вроде этого. Когда я начала расспрашивать его, он уже почти спал. А когда Нестор спит — это святое, его нельзя будить.

— Все равно, будь поосторожнее с ней... — как-то отстраненно произнесла, словно не слыша меня и продолжая думать о чем-то своем, Людмила. — Мало ли... Ну, ладно, я пойду. У меня, как ты понимаешь, полно дел. Да, вот о чем я еще хотела тебя спросить. Как ты думаешь, а если мне приехать к нему на работу и там, в спокойной обстановке, в его кабинете, поговорить с ним, как если бы это было... просто деловое предложение с моей стороны? Понимаешь, он же постоянно решает подобные вопросы, а тут я... Не знаю, как тебе сказать... Мне кажется, что дома, за столом, поедая котлеты, он воспримет мою просьбу не всерьез, а как блажь... А если я приду к нему и он увидит меня, такую красивую, нарядную, похудевшую, может, у него и отношение к этой

теме окажется иным, нежели дома?

– Да, думаю, ты права.

Вот тут и я, к своему великому стыду, поняла, что мне стала неинтересна Людмила с ее болезненным желанием нравиться всем и вся. Конечно, она имела право поделиться со мной своими планами, но разве мы обе не понимаем, что мы – совершенно чужие друг другу люди и что мои проблемы никак не могут касаться ее, и наоборот. Что мы словно бы из вежливости открыли друг другу свои мысли, чтобы сразу же разбежаться в разные стороны и на какое-то время забыть друг о друге. Мы не были с нею подругами и никогда ими не станем!

Когда Людмила ушла, я поднялась в свою комнату, включила музыку – фортепианный концерт Гайдна в исполнении Евгения Кисина – и снова принялась искать в Интернете крупинки хоть какой-то информации об Аллене Рее. Но вместо этого наткнулась на необычную статью об одном из величайших пианистов Франции, Франсуа Рене Дюшабле, решившем закончить свою карьеру весьма экстравагантным образом: «уничтожением двух роялей и своего концертного костюма – в знак протеста против буржуазной элитарности классической музыки». Оглядываясь на свою жизнь, полную тяжелого физического труда и унижений, я удивилась тому, как резко изменилась она после замужества. Я, оказывается, попала в теплую компанию буржуа – и даже не заметила этого! И кто привил мне эту тягу к элитарному искусству – Ан-

нета? Или же все куда проще и буржуазия здесь ни при чем? Просто я устроена таким образом, что мне, чтобы окончательно очистить душу и стать другой Таей, женщиной высокого полета, исполненной новых чувств и желаний, необходима эта классическая музыка? Почему бы и нет?

Еще один вопрос я задала себе, вслушиваясь в чудесную, светлую и в то же самое время довольно-таки строгую музыку Гайдна: а не стать ли мне самой музыкантом? Пианисткой? Но, представив себе строгий ряд черно-белых клавиш, я отчаянно замотала головой: нет, нет, я не смогу, это просто невозможно! Это не для меня. Я никогда не постигну той тайны разнообразнейших магических звуков, извлекаемых виртуозами-исполнителями из этих совершенно одинаковых клавиш. Мой удел – лишь слушать эту волшебную музыку, сочиненную и исполняемую другими людьми, настоящими музыкантами, композиторами и пианистами.

Мой взгляд все еще продолжал скользить по строчкам статьи о Франсуа Рене: «... Дюшабль, которого французская пресса называет «прославленным Франсуа Рене», заявил, что он сыт по горло классической музыкой. «Я принес большой кусок своей жизни в жертву одному проценту населения... Рояль является символом буржуазии и индустриального общества, которое должно быть разрушено. Рояль, который используется так, как это делает общество, – это самодовольный инструмент, не подпускающий близко

тех, кто не разбирается в музыке...»

Ничего подобного я в жизни своей еще не слышала. И надо же, чтобы эта статья, датированная две тысячи третьим годом, попалась мне на глаза как раз в тот момент моей жизни, когда я так полюбила фортепьянную музыку!

«Итак, великий пианист уходит. На прощание он даст три концерта. Первый, в конце июля, завершится сбрасыванием рояля в озеро Меркантур, второй – сожжением концертного костюма. После третьего концерта рояль будет взорван в знак того, что «концерт мертв. Да здравствует музыка!!»

Это как же ему, должно быть, надоело играть на этом прекрасном инструменте, что он решил его взорвать!

Однако имеет ли кто-либо право судить его за столь экстравагантный и одновременно отчаянный поступок? Не это ли его протест, корни которого следует искать в самой сути исполнительства? И не произойдет ли нечто подобное с Алленом Реем? И что мы, простые слушатели, знаем о судьбе исполнителей? Об их нелегкой и полной постоянного, непрекращающегося напряжения жизни? Ведь они должны каждый день быть в форме. Выйти на сцену, в каком бы состоянии души ты ни находился, сесть за рояль и – играть, исполнять наизусть многочисленные концерты, сонаты, пьесы...

Размышляя над этим, я вдруг осознала, что, даже слушая игру Евгения Кисина, представляю себе за роялем именно Аллена Рея. Моего обожаемого Аллена.

В доме было тихо, впрочем, как всегда. Я не сразу обратила внимание на то, что мое самочувствие резко ухудшилось, что мне стало трудно дышать. Возможно, я так разволновалась, слушая музыку, или, наоборот, случайно наткнувшись в Сети на информацию, что музыкантам без имени и денег всегда сложно найти работу и заслужить известность. Что такие талантливые (как Аллен!) исполнители обивают пороги агентств, пытаясь найти хоть какую-нибудь работу...

И тут вдруг я наткнулась в Интернете на одно имя, показавшееся мне знакомым: Айзек Либерман. Мне показалось, что я видела это имя, написанное красными буквами на белой афише, приглашающей публику на один из концертов Аллена... Кто этот человек? Музыкальный продюсер... Возможно, это именно он привез Аллена в Москву, устроил ему эти короткие гастроли. Ну и что дальше? И зачем я вообще ищу информацию об Аллене? Может, я хочу узнать что-то о его частной жизни? Женат ли он, к примеру?

Я оторвалась от компьютера и поняла, что мне совсем худо. Но что такое со мной творилось, я не могла понять. Тревога, страх, даже какой-то иррациональный, леденящий душу ужас охватил меня, когда я осмотрелась и вдруг поняла,

что я дома совершенно одна. Одна! Может, это не так уж и плохо, что Аннета зачастила ко мне? Во всяком случае, никаких особых страхов до сих пор у меня не наблюдалось. Я жила вполне спокойно и никаких признаков депрессии у себя припомнить не могла. Так в чем же дело? Что меня так разволновало?

Впору было звонить Аннете и просить ее приехать. Или... Или позвонить Нестору и сказать, что мне плохо? Что, кажется, у меня прихватило сердце? Конечно, он сразу же отреагирует: ко мне привезут доктора, возможно, даже положат в клинику на обследование.

Раздался звонок. Обычный телефонный звонок домашнего стационарного аппарата. Но пока я до него доползла, звонки прекратились и замурлыкал мой. Я не удивилась, увидев на дисплее – «Аннета».

– Аннета! Как же здорово, что ты позвонила!

– Тая? – Я услышала тихий, почти замогильный голос Аннеты. – Ты дома?

– Ну да! Где же я еще могу быть? А что случилось? Ты можешь сейчас ко мне приехать?

– Да... Да. Конечно. Тая, будь на месте и никуда не выходи из дома!

– Ладно... Когда ты приедешь?

– Я уже близко. Минут через десять.

Я обрадовалась. Но легче мне все равно не стало. Знать бы, какие лекарства принимают люди в таких ситуаци-

я? Сердечные капли? Но у нас в доме их не держали. Возможно, потому, что мы с мужем были молоды. Совсем еще молоды. И у нас ничего, кроме головы или – изредка – живота, не болело.

Я устроилась на диване в своей комнате, свернулась клубочком, укрылась пледом и замерла. Прислушивалась к звукам, доносившимся с улицы. Вернее, к той оглушительной тишине, что окружала наш дом, стоявший на окраине поселка, рядом с заснеженным лесом.

Я никак не могла понять, что у меня болит. Где-то глубоко внутри, в середине груди словно бы кто-то невидимый – явно профессиональный убийца – вбил кол. И теперь медленно проворачивал его там, раздирая мне душу.

Когда в комнате появилась Аннета, боль немного утихла. Я стала какой-то бесчувственной. Лежала, свернувшись калачиком на диване, удивлялась тому, как же неожиданно и великодушно боль отпустила меня.

– Что с тобой?

– Не знаю... – Я попыталась подняться, но Аннета, присев рядом, взяла меня за руку и сказала тихо: – Крепись, моя дорогая девочка.

И тут я заметила буквально все – от черного костюма Аннеты до ее заплаканных, оплывших глаз, мокрого рта и комочка белого носового платка, зажатого в руке.

Она сказала мне, чтобы я крепилась. Значит, случилось что-то страшное с каким-то близким мне человеком? Но,

кроме Нестора, у меня никого не было. Разве что тетка... Но Аннета ничего о ней не знала. Да и вряд ли она надела бы черный траурный костюм по моей воронежской тетушке.

– Нестор?! – прошептала я онемевшими губами.

– Он умер прямо за письменным столом. В своем кабинете. Инфаркт.

– Нет, – судорожно замахала я руками, как бы отгоняя невидимых мух. – Нет... нет!!!

– Георгий Александрович, извините, что я отвлекся на звонок... Итак. Вы начали рассказывать нам о том, что беспокоило вас в ваших отношениях с женой. С чего все началось, все эти сложности?

– Не знаю... Не помню. Я это просто почувствовал – что жена мне изменяет. Понимаете, Люда хорошая женщина, и я всегда любил ее. Я понимал, что слишком мало времени ей уделяю, что работа поглотила меня целиком. Но у меня такой бизнес... К тому же я никому не доверяю. На моих глазах свершилось столько предательств, столько хороших людей погорело на своем доверии, что я не мог допустить, чтобы и со мной произошло то же самое. Я лично курировал абсолютно все процессы, связанные с моим бизнесом. Более того, я контролировал и моих помощников, отвечавших за поставки сырья, оборудования, плюс людей, встречавших и отправлявших грузы. Возможно, вам покажется это чрезвычайными мерами, но во многих случаях, чтобы отследить деньги или товар, мне приходилось нанимать частного детектива. И, как я и предполагал, окружающие меня люди так и норовили обмануть меня.

Конечно, не обходилось и без каких-то корпоративов. И бывало, что я возвращался домой слишком поздно и от меня пахло вином и даже чьими-то духами. Но я не из-

менял Людмиле. Никогда! Девчонки сами вешались мне на шею, я мог проводить кого-то домой, отвезти на своей машине. Возможно, они специально оставляли в моей машине то заколку, то сережку, чтобы скомпрометировать меня и причинить боль моей жене. Это ведь женщины, вот и все объяснение! Но я, еще раз повторяю, не изменял Людмиле. Возможно, я в последнее время очень устал от своей работы. К тому же у меня возникли некоторые проблемы со здоровьем. Не знаю, как вам сказать... Это неприятно для каждого мужчины. Это унижительно! Словом, у меня простатит, и я пытался лечиться. По совету своего врача покупал всякие лекарства, таблетки, капли, но ничто не помогало. У меня начались боли, я ощущал сильнейший дискомфорт... Это подействовало и на мою нервную систему. Поэтому, когда я приходил домой, где меня ждала жена, красивая, полная сил и любви, я злился, что не могу ответить на ее чувства. Я часто кричал на нее, бывал с ней груб... Думаю, она просто решила, что я больше не люблю ее.

— Она говорила это вам прямо в глаза?

— Да я и так понимал, что она страдает...

— И что же случилось потом?

— Думаю, она решила, что все дело в ней, что ей надо срочно похудеть. Знаете, как женщины переживают из-за излишней полноты. Словом, она начала ездить в город, занималась там в фитнес-центре «Коломбина». Знаете, я даже

радовался тому, что она занялась собой. Поскольку не в моих это правилах – предложить жене пойти куда-нибудь работать, не ради денег, нет, а ради того, чтобы она не маялась от безделья, – то, узнав, что она увлеклась этим фитнесом, я даже как-то успокоился на время. Пусть, думаю, позанимается. Но разве мог я предположить, что результаты будут такими... потрясающими?! Люда заметно похудела, посвежела, помолодела, и когда она в таком обновленном своем виде появилась в нашем офисе, все только и судачили о том, насколько она изменилась, как похорошела. Но моя реакция была очень... странной. Сначала мне это было приятно, а потом я разозлился на нее за то, что она как бы старается привлечь мое внимание, словно догадывается о моей болезни и старается как-то мне помочь. Но это-то и было самым невыносимым!!! Она молодела, получалось так, а я старел, терял, точнее, почти совсем утратил свою мужскую силу.

– А почему же вы не рассказали вашей жене о том, что с вами случилось? Почему не признались в том, что вы сами страдаете? Или вы думаете, что она не поддержала бы вас, не помогла, не предложила бы вам проконтролировать ваше лечение, как это делают многие другие женщины?

– Не знаю... Я не хотел... признаваться. Мне было стыдно!

– Но ведь брак – это союз двух людей, любящих друг друга и помогающих партнеру во всем. И как можно жить с жен-

щиной, которой вы не доверяете? Я понимаю, если бы все то, что вы рассказали, имело отношение к вашей молоденькой любовнице, но речь-то идет о вашей жене! Практически о вашей ровеснице. Разве не с ней вы мечтали подойти рука об руку к рубежу общей вашей старости?

– Да, да... Вы правы. Людмила – надежный человек. Во всяком случае, я так думал. Но она предала меня, предала! Она изменила мне с этим мальчишкой, с собственным тренером, Корнеевым!

– Я не хочу ее оправдывать, но не кажется ли вам, что вы сами спровоцировали ее на этот шаг своим поведением? Вы же сами минуту назад сказали, что были грубы с ней и не обращали на нее внимания как на женищину.

– Послушайте, не забываетесь!.. Это же я сам пришел к вам, к психологу, а не она, вот и помогите мне, и нечего думать! Вы многого не знаете! Ведь она что придумала? Сказала, что не может водить машину, ей, мол, страшно, у нее началась мания какая-то, вроде бы она уверена, что непременно попадет в аварию. Словом, она убедила меня сделать пристройку к нашему дому, где можно было бы оборудовать небольшой спортзал и бассейн! И это – зимой!

– И что вы?

– Что-что... Я согласился. Я был рад, что она займется делом и у нее не будет ни сил, ни времени на разные глупости в отношении меня. И мне это все обошлось не так уж и дешево, если учитывать специфику зимней стройки. Туда про-

вели отопление, все получилось очень даже ничего. И вот, в благодарность за мою заботу она стала спать с этим Корнеевым!

— Вы сами-то определились: чего вы сейчас хотите? Разойтись с женой?

— Не знаю... Я хочу, чтобы она страдала — так же, как и я.

— И вам это так уж необходимо?

— Не знаю. Я вообще не знаю, как мне дальше жить! Получается, что я работал для того, чтобы хорошо жить, а когда появились деньги, и немалые, я понял, что меня предали, что я никому не нужен, а у моей жены, которая видела от меня только добро, появился любовник! Что мне делать?!

— Вы беседовали с ней об этом? Какова была ваша реакция, когда вы узнали о том, что у нее есть любовник?

— Я ей ничего не сказал. И продолжаю делать вид, что ничего не знаю. Я не могу, понимаете, просто не могу признаться ей в том, что я все знаю!

— Я что-то вас не понимаю... Разве вы не застали их вместе?

— Нет.

— Тогда как же вы узнали об этом?

— Да никак я не узнавал! Просто понял, когда однажды, после того как этот тренер, позанимавшись с Людмилой, уехал, я увидел ее глаза. Она была счастлива, понимаете?!

Она вся светилась, как может светиться женщина, которая только что получила от своего мужчины то, чего она и хотела! Это был взгляд удовлетворенной женщины, он мне очень хорошо знаком.

— А что, если вы ошиблись и никакой реальной измены не было?

— Я не мог ошибиться!

— Послушайте... вам не приходило в голову, что она почувствовала себя счастливой просто от осознания своего нового состояния, от ощущения вернувшихся к ней сил, здоровья, наконец! Возможно, в ее жизни появилась некая гармония, которой прежде у нее не было. Георгий Александрович, как вы уже, наверное, поняли, мои клиенты — это люди определенного круга, живущие приблизительно на таком же уровне, что и ваша семья. И в силу этого я часто сталкиваюсь со схожими проблемами у жен таких же, как и вы, предельно занятых мужей.

— Занятых? Да я живу на работе, и там у меня каждый день стресс!

— Правильно! Думаю, вы заметили, насколько характерны стали билборды, развешанные вдоль дороги неподалеку от вашего дома?

— Вы имеете в виду рекламу психотерапевтов? Кстати говоря, билборда с вашим портретом я там не встречал!

— Верно. У меня и без того много клиентов — ваших же приятелей. Так вот... Это все не случайно! Процесс зараба-

тывания денег так выматывает мужчин, что именно они мои постоянные клиенты. Однако вернемся к вашей жене. Если поначалу жизнь в дорогом особняке кажется женеццнам раем земным, то потом происходит нечто такое, что превращает их жизнь в настоящий ад, который ощущают лишь они одни. Ко всему ведь привыкаешь! И к богатству тоже. Если женеццина ничем не занята, если она нигде не работает, не увлекается творчеством, а просто тратит, извините, ваши бабки на себя, любимую, то и это вскоре ей приедается. Кроме этого, женеццина, ни в чем себя в первое время не ограничивающая, начинает дурнеть, полнеть, а потом и вовсе, с подачи таких же скучающих «девушек», подсаживается на наркотики. Но я вот что хочу вам сказать: и в России сейчас стало модным вести здоровый образ жизни, правильно питаться, ограничивать себя во всем. Поверьте, все это схлынет – и все эти фитнесы, и бассейны, – и тогда женеццины будут жить гораздо спокойнее, увлекутся чем-нибудь другим.

– Скажите, зачем вы мне обо всем этом рассказываете? Тянете время? Я отлично помню, что один час ваших услуг стоит триста пятьдесят евро.

– Успокойтесь!

– Я спокоен! Просто я пришел к вам со своей личной проблемой. Мне изменяет жена. А вы, вместо того чтобы как-то меня обнадежить, рассказываете о каких-то посторонних людях. И пытаетесь защитить мою жену!

– Но у вас нет доказательств, что она вам изменяет.

– Да откуда же я могу их взять, если она проделывает все это в моем же собственном доме?! У меня, так сказать, под носом? Придумала, что не может ездить в Москву на машине, потому что, как я уже вам говорил, боится водить, словно поблизости от моего дома нет другого фитнес-центра!

– Кстати говоря, а почему она выбрала именно «Коломбину»?

– Думаю, поначалу она стеснялась своих соседей, понимаете? Они помоложе ее, постройнее... Комплексы, словом. Вот и ездила к черту на рога! А потом решила устроить фитнес-центр прямо в доме. И я, дурак, согласился!

– Да, я понимаю. И все равно, Георгий Александрович, вы не можете быть уверены в том, что ваша жена вам изменяет. А поэтому у вас пока еще нет серьезных причин для беспокойства.

– Вы хотите, чтобы я нанял детектива? Да, я уже думал об этом, тем более что, как я вам уже рассказывал, на меня работает один опытный сыщик. Но что он сделает, если моя жена, чтобы встречаться со своим любовником, вообще не выходит из дома – он приезжает к ней сам!

– Тогда просто запретите ей встречаться именно с этим тренером.

– И как я буду выглядеть? Как ревнивый осел? Разве это не унижит меня в ее глазах? Да она рассмеется мне в лицо!

— Какая вам разница, как она себя поведет, если речь идет о том, чтобы вы успокоились и поверили в то, что она вам верна?

— Да она точно мне изменяет! Точно!!!

— Хорошо. Если вам так кажется и вы хотите, что называется, вывести ее на чистую воду, то поручите сыщику установить в вашем доме видеокамеры. Повсюду, в каждом углу.

— Ладно, я вам признаюсь... Весь дом уже давным-давно буквально нафарширован камерами, и на них нет ничего, кроме... Словом, они на самом деле занимаются гимнастикой. Потом она плавает в бассейне. Но, думаю, они все равно вычислили эти камеры и нашли такое место, где нет полного обзора.

— А что, если вы все это просто выдумали? И если вы уж такой ревнивый, тогда зачем же вы позволили вашей жене завести себе личного тренера? И почему вы не настояли на том, чтобы тренером ее была женщина?

— Знаете что? Иногда, когда я просматриваю эти записи, где они... где он... такой молодой и красивый, уверенный в себе... Словом, мне хочется его убить, понимаете?!

На похороны Нестора приехало очень много народу. Наш дом буквально кишел какими-то незнакомыми мужчинами в черных костюмах. Женщин практически не было. Рядом со мной, как примагниченная, постоянно маячила Аннета. Я неизменно чувствовала легкие прикосновения ее плеча, руки, улавливала аромат ее духов и волос. Как я уже сказала, все были в черном, и Аннета – тоже. Роскошное черное платье с узкими кружевными рукавами. Оно очень ей шло. На голове – черный газовый шарфик. Очень похожий на мой.

Мы почти не говорили – все было ясно без слов. Огромное горе свалилось на нас. На меня. Вероятно, и на Аннету тоже. Она, словно моя старшая сестра, от моего имени отдавала распоряжения относительно поминального обеда, который должен был состояться в Москве, в ресторане. Нестора похоронили на Ваганьковском кладбище, и этими вопросами тоже занималась Аннета, вкупе с приближенными Нестора. Мне казалось, что у всех, кто окружал нас тогда, в те тяжелые для нас дни, на бледных лицах то и дело возникал один и тот же вопрос: как же так могло случиться, что молодой, тридцатитрехлетний мужчина внезапно умер от инфаркта?

– Ты знала? – спросила я Аннету в первый вечер, когда мы остались вдвоем в пустом доме. Тело Нестора лежало в мор-

ге, там произвели вскрытие. – Ты знала, что у него большое сердце?

– Нет. Он никогда об этом не говорил. Да и в доме у вас, я заметила, нет ни одной таблетки от сердечных болезней. И вообще, у вас тут мало лекарств.

Мы пили в кухне водку, плакали, вспоминали Нестора, и у обеих, я думаю, было такое чувство, словно мы видим один сон на двоих. Сон, где нет Нестора. Хотя, рыдая и говоря о нем что-то нестерпимо сентиментальное и отчаянное, я тем не менее все равно продолжала прислушиваться к звукам в доме: а вдруг сейчас раздастся мягкое шуршание шин, хрустальный звон отпираемой двери и приедет сам Нестор – живой, здоровый, с магнетической улыбкой на красивом гладком лице... Войдет в кухню и спросит: «Что, девочки, пьете?» Присядет к нам, не снимая пальто в блестках тающих снежинок, посмотрит с любовью на меня, с каким-то особенным, непонятным мне чувством – на Аннету и скажет что-то необыкновенно приятное, нежное.

– Вот скажи мне, Аннета, почему он выбрал меня? Зачем ему понадобилась я, простая девушка из провинции?

– Он любил тебя, вот и все объяснение. – Аннета, опрокинув рюмку водки, зажмурилась и закусил лимон. Замотала головой, замычала: – Господи, как только люди пьют такую горечь?!

– Что теперь будет? – пыталась понять я, не представляя себе, как я буду жить без Нестора. Ледяной волной обда-

вало меня всякий раз, когда я вспоминала, что еще не так давно считала его негодяем, почти что бандитом, поскольку не имела ни малейшего представления о том, каким образом он заработал свой начальный капитал. В представлении простой провинциальной девчонки сделать такие большие деньги, не перешагнув через определенные нравственные барьеры, просто невозможно. – Чем я буду заниматься? Кого мне ждать по вечерам? Кому готовить обед?

– Я понимаю, Тая, что за этими простыми вопросами стоит более важный: на что ты будешь жить, так?

Я почувствовала, что краснею. Честно говоря, имея на своем счету довольно-таки внушительную сумму, я была относительно спокойна. Но, конечно, вопрос о наследстве Нестора тоже не мог не возникнуть. Однако понимала я и то, что очень мало знаю о Несторе, о том, кому он чем-либо обязан, с кем у него сложились определенные финансовые отношения... Я практически ничего не знала о его прошлом, о его родственниках. Возможно даже, что он вообще ничего мне не оставил, поскольку наш брак продлился всего два года и у него еще до меня могло быть несколько браков плюс дети – и брачные, и внебрачные. Зная заботливый характер Нестора, можно было смело предположить, что он в своем завещании не позабудет и их. Если таковое, конечно, вообще имеется.

– А как я могу узнать, как распорядился Нестор своим капиталом? – спросила я неуверенным голосом, отчего-то

испытывая странное чувство вины перед Аннетой, которая была знакома с Нестором куда дольше меня и которую связывало с ним то, о чем я пока могла только строить предположения. Одно я знала наверняка – она солгала мне насчет убийства своего мужа! Нестор же ясно сказал, что Аннета никогда не была замужем. Но какие-то отношения между ними существовали. Служебные, родственные, дружеские? Словом, основанные на чем-то таком, что позволило Аннете стать единственным человеком извне, имеющим право бывать в нашем доме в любое время дня и ночи.

– Думаю, что уже завтра к тебе приедет его адвокат, господин...

– ...Сыров. Я знаю Сергея Николаевича, – оживилась я, подумав о том, что уж с ним-то я смогу спокойно, не нервничая, как при Аннете, разобраться во всем, что касается наследства Нестора.

– Если ты не возражаешь, я бы хотела присутствовать при вашем разговоре. Думаю, тебе понадобится моя поддержка.

Я почувствовала, как лицо мое запылало. Я была просто в шоке от такого хамского поведения Аннеты! Она вела себя так, словно я была полной дурой, не имеющей права на собственные тайны, а также возможность самой распорядиться своей жизнью! Однако внутреннее чувство подсказывало мне, что я не должна пока что рвать с ней отношения – уже совсем скоро Аннета мне понадобится. И поэтому я решила не дерзить и ответила ей как можно более доброжелательно:

– Конечно... Я и сама хотела тебя об этом попросить.

Я увидела, как она удовлетворенно улыбнулась, словно в очередной раз убедилась в моей глупости.

– Ты не знаешь, он был когда-нибудь женат прежде?

Я должна была вести себя естественно, то есть так, как и ведет себя обычно молодая вдова, уверенная в том, что после смерти богатого мужа ей может перепасть большая доля наследства, но, однако, предполагающая, что, помимо нее, в жизни ее мужа могли быть и другие претенденты на наследство: бывшие жены, дети, родственники, близкие друзья...

– Понимаешь, Нестор был довольно-таки закрытым человеком, и я мало что знаю о его прежней жизни. А ты? Что знаешь ты? Сейчас, когда его нет, расскажи мне что-нибудь о нем, пожалуйста.

– Знаешь, ничего такого особенного я не знаю. Родители его умерли. И, когда мы с ним познакомились, их уже не было. Подробностей я не знаю. Братьев и сестер, думаю, нету тоже, иначе не только я, но и ты непременно бы об этом знала. Нестор не такой человек, чтобы скрывать своих близких родственников. Больше того, они наверняка жили бы где-нибудь неподалеку от вас. Что касается его личной жизни, то я могу сказать одно. Да, он был женат. Но брак этот продлился недолго. Кажется, там был ребенок, но он умер. Хотя в моей памяти осталось, что это был вовсе и не его ребенок... Зная Нестора, вполне можно предположить, что он, несмотря на то что ребенок не его, все равно заботился бы

о нем до самой смерти. Но, кажется, вышло так, что появился настоящий отец малыша, разразился скандал, после чего тот мужчина благополучно исчез, а жена Нестора запила...

Я словно услышала хрипловатый голос девушки, сидевшей в машине Нестора незадолго до нашего с ним знакомства... «Скотина, идиот! Ненавижу вас, мужиков! Вы все кретины! Собаки! Вам, значит, можно пить, а нам нельзя?! У нас равноправие...»

– Мне кажется, я видела ее... Она такая высокая, в белом плаще... Длинные волосы, длинные ноги, длинные руки...

– Да, это она. Ее звали Ольгой.

– И что? Что случилось потом, после их развода?

– Тая, это ты спрашиваешь у меня?! Как что? Он женился на тебе!

– А ребенок?

– Говорю же, он умер. Думаю, после этого Ольга и начала пить. Мало того, что она утратила доверие Нестора, так еще и ребенка лишилась...

– И что с ней случилось?

– Она лежит в больнице.

– В какой?

– В наркологической. Лечится. Правда, теперь я уж и не знаю, что с ней будет, ведь Нестора больше нет. Кто будет продолжать оплачивать это лечение?

Я решила пропустить этот вопрос мимо ушей. Мне не было никакого дела до его бывшей жены! Я никому и ничем

не обязана! Если у Нестора существовали какие-то обязательства перед этой женщиной, то он должен был упомянуть о ней в своем завещании. Я же не намеревалась заниматься благотворительностью.

– Ты была с ней знакома?

– Да... Так... поверхностно.

– Аннета, зачем ты обманула меня, придумав историю с убийством своего мужа?

Она медленно подняла на меня погасший взгляд. Долгое время молча смотрела на меня, словно пытаюсь придумать какие-то оправдания своей лжи. Но потом просто махнула рукой и плеснула себе еще водки.

– Сочинила? Зачем? – не сдавалась я.

– А ты спросила у Нестора?

– Спросила!

– И что же он тебе ответил?

– Ничего. Разве что сказал, что у тебя никогда не было мужа.

– Ладно... Проехали. О покойниках или хорошее, или вообще молчок! – Она пьяным, неверным жестом приложила указательный палец к губам.

– Ответь, – настаивала я. – Зачем ты все это придумала? Раньше я доверяла тебе во всем...

– Да я же просто пошутила, Таечка! Решила разбавить наши серьезные разговоры безобидной шуткой. Еще мне хотелось, как ты понимаешь, чтобы ты воспринимала меня более

серьезно, чем просто нанятую за деньги даму-стилиста, представленную к богатенькой девушке, чтобы научить ее правильно одеваться и накладывать макияж. Мне хотелось, чтобы ты ценила лично меня, я желала, чтобы мы стали подругами. Вот я и придумала эту душещипательную историю про убийство моего мужа... Чтобы представить Нестора в роли человека, который не сможет расплатиться со мной в течение всей дальнейшей жизни.

– Ты не предполагала, что я могу спросить Нестора о тебе?

– Зная твой характер – не предполагала.

– И какой же у меня характер? – Я уже закипала, но сдерживалась.

– Кроткий! – расхохоталась Аннета, и в эту минуту мне почему-то вдруг захотелось ударить ее. Так она стала мне отвратительна. – У тебя, душечка, кроткий характер! Думаю, именно поэтому Нестор и женился на тебе. Ты сильно отличалась от Оли, ну прямо небо и земля!

Чтобы не провоцировать самое себя на резкие слова или даже телодвижения, мне требовалось срочно прекратить нашу беседу. К тому же внезапно до меня начало доходить, что Нестора нет. Что я никогда его больше не увижу. Что он просто исчез! Когда же я представила себе его тело, красивое, сильное, молодое тело, которое теперь – синее, мертвое – лежало в гробу и уже начинало разлагаться, мне стало нестерпимо жаль его. Я вспомнила, как много сил он тратил на то, чтобы заработать деньги, целыми сутками пахал, нисколь-

ко не задумываясь о собственном здоровье, а я так ничего и не узнала о его мечтах. Чего он хотел? К чему стремился, зарабатывая эти деньги? Наверняка он мечтал о детях, о том, что у нас с ним будет настоящая, полноценная семья... И вот теперь получилось так, что его не спасли ни деньги, ни связи, ни другие возможности, которыми обладают люди его уровня. Смерть черной птицей зацепила его острым когтем и унесла с собой. В рай ли, в ад? Этого я не знала. Возможно, у него просто-напросто закончился запас жизненных сил? И он, как говорится, сгорел на работе? Возможно. А вдруг его убили? Ведь существуют же такие яды, действие которых схоже по симптомам с сердечным приступом! Но разве теперь кому-то что-то докажешь?

Я, оказывается, рыдала. Просто утонула в слезах. В чувство меня привела Аннета. Она словно вытянула меня за шиворот из какого-то соленого слезоворота, куда я погружалась все глубже и глубже.

– Вот, попей и успокойся... – Я увидела на ее ладони знакомые мне красные таблетки.

Я взяла их и сунула в рот. Но глотать не стала. Подумала, что мне сейчас в моем состоянии опасно даже спать. А что, если я усну и не проснусь, как Нестор? И, хотя он умер не во сне, мне все равно казалось, что сон – это словно бы преддверие смерти. И спать, когда тебе так плохо, вообще опасно. Можно провалиться в черную бездну, лежащую под толстыми цветными пластами сна.

Отвернувшись, я незаметно выплюнула таблетки в ладонь.

– Ну вот, теперь ты хорошенько выступишься, а завтра будешь, как огурчик, – Аннета поцеловала меня в лоб. – Пойдем, я уложу тебя.

– Аннета, ты так и не ответила на мой вопрос. Как, когда, при каких обстоятельствах ты познакомилась с Нестором?

– Хорошо, я расскажу тебе... Только ты – никому, договорились?

Я кивнула.

– Мы с ним были сиамскими близнецами, – прошептала она мне прямо в ухо, обдав горячим водочным духом. – Теперь ты поняла?!

Айзек Либерман очень хорошо понимал Аллена. Исчезнуть, раствориться в воздухе и заставить поволноваться своих сестру и невесту – в этом есть что-то романтическое. К тому же в жизни каждого человека однажды наступает такой день, когда хочется взять – и бросить все, оторваться от реальной, вялотекущей жизни и воспарить над обыденностью, над всем тем, чем он еще недавно дорожил, пусть это даже будет твой дом или кто-то из близких. Единственное, что не должно было пострадать из-за этой авантюры, – любовь. Вот если бы Аллен любил Миму, он непременно рассказал бы ей о том, что они собираются проверить вместе с Айзеком. А так... Мима! Кто такая Мима? Женщина, с которой Аллену просто хорошо. Ему приятно выпить с ней чашечку кофе, поужинать где-нибудь в *Caf  de La Jatte* или в *Le Grand Vefour*, заняться любовью в комнате для гостей в домике Лероев, отправиться куда-нибудь на море, провести выходные в маленьком бунгало на Лазурном Берегу... но он не видел ее, к примеру, в роли матери своих детей, он не испытывал к ней и десятой доли тех чувств, которые питал в юности к одной юной студентке-англичанке, бросившей его в свое время ради одного архитектора. К тому же он считал Миму толстокожей, невосприимчивой к музыке, неэмоциональной, даже бесчувственной и чересчур уж эко-

номной. Она, даже приглашая на ужин милейших Лероев, поджаривала на четверых точно четыре отбивные, отлично зная, что Патрик, муж Клер, очень любит вкусно поесть. Еще она штопала колготки и покупала самый дешевый детский шампунь. Словом, Аллен относился к Миме довольно-таки прохладно, прекрасно осознавая, что он просто использует ее до тех пор, пока не встретит женщину своей мечты.

– Но ты должен учесть, мой дорогой Аллен, что если уж ты принял решение молчать, то должен выполнить задуманное – во что бы то ни стало! Мы с тобой имеем лишь самое смутное представление о том, куда именно нас позвали. Во всяком случае, я-то с тобой точно не поеду. Сыграешь несколько частных концертов для богатых семейств, получишь свои деньги, вернешься в Москву, а оттуда – в Париж. Вот тогда уже мы сможем позвонить всем и сказать, что с нами все в порядке.

– А Соланж? Думаешь, она будет молчать? Ведь рано или поздно все они вычислят, что она собирала мои вещи, ноты...

– Ты же заплатил ей! Будь спокоен, она не станет портить с тобой отношения. Она очень дорожит своей работой. К тому же ты ведь пообещал ей, что когда ты купишь дом в Кап-Ферра, то возьмешь ее с собой. В сущности, Аллен, ну что такого произойдет, если ты заработаешь на своих неофициальных концертах парочку миллионов евро?

– Айзек, очнись! Деньги – это, конечно, хорошо. Но где

ты слышал, чтобы музыкантам платили такие бешеные гонорары?!

– Ты не знаешь русских! Я просто уверен, что эти концерты – так, они просто хотят пустить всем пыль в глаза! И для некоторых русских два миллиона – это не деньги!

– Хорошо. Но тогда объясни мне, почему бы им не пригласить более известного музыканта, такого, как русский исполнитель Денис Мацуев, и не заплатить эти деньги ему?

– Да, я согласен, Аллен. Ты – не самый известный в мире пианист. Пока что. Но твоя карьера только начинается, и впереди тебя, быть может, ждет блестящий успех! И доказательством этому служит именно тот факт, что та русская дамочка, связавшаяся со мной, назвала именно твое имя, понимаешь? Кроме того, не забывай, что ты очень красивый молодой мужчина, в которого можно запросто влюбиться!

– Айзек, я что-то не понял... Ты мой импресарио или жалкий пошлый сутенер?

– Подумай лучше о том, что вскоре напишут парижские газеты! Когда станет известно, что ты стал владельцем виллы в Кап-Ферра! А я уж постараюсь сделать так, чтобы журналисты как бы сами по себе узнали об этом факте!

– Айзек, но сумма слишком большая. Я не знаю, где и сколько мне придется играть?! И что придумают эти русские? Вдруг они потребуют, чтобы я играл на морозе... Или в рукавицах...

– Аллен, ты несешь полный бред! Я бы на твоём месте

тихо радовался, вот и все... Хотя, с другой стороны, я понимаю и отчасти даже разделяю твои опасения. Действительно, сумма крупновата для одного новогоднего концерта. Однако нам заплатили аванс в размере трехсот тысяч евро! И это живые деньги, ты сам видел свой счет! Поэтому ты сейчас ни о чем таком не думай, просто расслабься и постарайся уснуть. Через час мы уже окажемся в Москве.

– Айзек, я хочу выпить...

– А вот этого не советую! Во-первых, ты не пьешь и не умеешь пить. Во-вторых, тебе надо быть в форме.

– Но я же не стану играть прямо сегодня!

– Мы ничего не знаем. Вот прилетим, нас встретят.

– А если не встретят?

– Люди, заплатившие такой аванс, думаешь, не приедут за тобой? Аллен, прошу тебя, успокойся, возьми себя в руки!

– Знаешь, я теперь понимаю девушек, которых насильно выдавали замуж... Какая-нибудь скучающая жена миллионера, тетка в годах, решила развлечься и вызвала меня... К примеру, чтобы насолить мужу... И потащит меня в свою постель!

– Запомни, Аллен, ты – музыкант. Пианист! И ты едешь давать концерт. Все! Ни о каких сексуальных услугах мы не договаривались! В крайнем уж случае, скажешь, что ты гей.

– Что-о?!

– Послушай, на тебя не угодишь...

– Вот ты только что сказал, что ни о каких сексуальных услугах мы не договаривались. Так ведь контракта нет вообще!!!

– Ну и что?

– А то, что нам могут и не заплатить эти миллионы!

– Аллен, разве триста тысяч евро для тебя уже не деньги? Ты в своем уме?! Причем эти денежки у тебя уже есть, и ты можешь их снять со счета в любой момент!!!

– Ты представляешь, что сейчас происходит у меня дома? Все стоят на ушах! Наверняка они обратились в полицию! И еще, Айзек... Я тебе не сказал... Словом, я отчасти проговорился и сказал своей сестре, что у меня, возможно, будут гастроли в России, речь, мол, идет о частном концерте, за который мне должны заплатить столько, сколько я зарабатываю за целый год. Но я не сказал, когда именно он состоится... Так, просто намекнул... Айзек, ты что?! Ну, прости! Понимаешь, я был под впечатлением... Мне так хотелось поделиться с нею своей мечтой!

– Ты и про Кап-Ферра ей сказал?!

– Нет, что ты!!! Тогда бы она точно заподозрила, что и ты в курсе дела... Айзек, я не понимаю, почему мы не имели права рассказать нашим близким, что летим частным самолетом в Москву? Что мне обещали заплатить хорошие деньги? Или это противозаконно?!

– Нет, это не противозаконно. Просто это было единственным условием со стороны этих русских, понимаешь?

– А зачем им это?

– Вероятно, они не хотят, чтобы информация просочилась в прессу, вот и все. Да нам-то какая разница?! Отыграешь, вернешься в Москву, повторяю, тебя сразу привезут в «Савой», где я уже буду поджидать тебя с шампанским... А на другой день – домой!

– Но почему именно я?! Я?!

– Закрой глаза и постарайся уснуть. Я разбужу тебя, когда самолет пойдет на посадку.

Аннета, проводив меня в спальню, была, вероятно, уверена, что я засну. Однако сон все не шел, и я уже начала сожалеть о том, что незаметно для Аннеты выплюнула таблетки. Кому и что я хотела доказать? Что я сильная и сама справлюсь со стрессом? Найду в себе силы уснуть?

Перед глазами то и дело всплывала одна и та же карточная картинка из Аннетиного недавнего гадания: соединившиеся половинки гроба с православным крестом на крышке.

«Кто-то умрет?» – «... Это к тебе не относится. Я же лучше знаю...»

Это она, Аннета, нагадала смерть Нестору, и сама, я думаю, испугалась, когда узнала о том, что он и в самом деле умер. Но почему же она сказала, что ко мне это не относится? Вероятно, просто ей не хотелось меня пугать, портить мне настроение? Все, с картами покончено! Впредь никаких гаданий! Все это страшно и, что самое ужасное, сбывается. Возможно, позже, когда я немного приду в себя (нет, когда я окончательно приду в себя!) после смерти Нестора, я взгляну на карточные гадания, как на безобидное развлечение, и в душе прощу Аннету. Но не сейчас, когда перед моими глазами мерцают две сросшиеся половинки гроба...

Поворочавшись какое-то время в постели, я решила, что уснуть мне все равно не удастся. Зато у меня проснулся ап-

петит, и я решила тихонечко, стараясь не шуметь и не разбудить Аннету, спавшую в гостиной на диване, добраться до кухни и чем-нибудь перекусить.

В таких случаях меня всегда выручал сыр, никогда не переводившийся в холодильнике. Еще – джем и чай. Самый вкусный на свете сыр, самый вкусный на свете джем! У меня их целая коллекция разных сортов. И если я еще не потеряла вкус к еде, значит, не утратила и вкуса к жизни. А это уже немало! И с моим душевным здоровьем все в относительном порядке.

Единственное, что нарушало тишину в доме, – это шум закипавшего в кухне электрического чайника. Но, думала я, Аннета этого все равно не услышит. Я налила себе чаю, нарезала ломтями мягкий сыр, поджарила хлеб. И вот, сделав несколько глотков чаю, я и услышала некий звук, похожий на щелчок захлопывающейся внутренней двери. Вероятно, Аннета выходила в туалет. Куда же еще? Но если она не спит, то, может, составит мне компанию и мы с ней почаевничаем вдвоем?

Я вышла из кухни и в мягких бесшумных шлепанцах прошла до лестницы, ведущей в правое крыло дома, как раз туда, где и находилась наша гостиная. И тут я услышала голоса! Один принадлежал Аннете, а вот другой – непонятно кому, но тоже женщине. Может, это, конечно, работает телевизор? Аннете не спится, и она включила его на полную громкость? И тот голос, который я сначала приняла за голос Анкеты,

на самом деле принадлежал вовсе не ей?

Я приблизилась к двери. К счастью (или наоборот), она оказалась приоткрытой. Я увидела сидевшую на диване Аннету. В пеньюаре, с распущенными волосами и уже без макияжа. Вероятно, она недавно вернулась из ванной. Напротив нее кто-то сидел, мне удалось разглядеть лишь макушку чьей-то головы и каштановые волосы.

– Ты уверена, что она спит? – спросила «макушка» низким женским голосом. И мне показалось, что я его уже где-то слышала. «Ты, сука... Да остановись же ты!»

Точно, это был именно тот голос! Хотя можно еще послушать.

– Да, она спит. Я ей вчера тоже дала таблетки, и она спала как убитая, когда Сергей приехал...

– Какой Сергей?

– Какой-какой?! Адвокат Нестора, Сыров, ты что, забыла?

– А... Нет, не забыла. А что, он здесь был? У тебя?

Это «у тебя», как если бы этот дом принадлежал Аннете, резануло мой слух.

– Аннета, у тебя с ним роман?

– Да какой у меня, на хрен, роман, когда мне просто нужно первой узнать, что там говорится в завещании!

– И ты это выяснила?

– Нет. Нотариуса, который должен был вскрыть завещание, сейчас нет в Москве. И в стране его тоже нет. Он придет сегодня ночью, может быть даже, он уже вернулся.

И утром они встретятся с Сыровым, вероятно, явятся сюда вдвоем.

– Постой... Ты сказала, что Сыров был здесь вчера ночью, я так поняла?

Вот он, этот голос! Давнишняя фраза змеей выползла из моего прошлого и ужалила меня в самое сердце.

«Сто-ой!!! Сигаретки не найдется?» – «Я не курю... и не пью...»

Да это же та самая пьяная девица, которую Нестор два года тому назад вытряхнул из своей машины... И она же, если верить Аннете, – Ольга, первая жена Нестора, которая сейчас, по словам той же Аннеты, лежит в нарколечебнице и проходит курс лечения от алкоголя!

Вот! Надо же! Нестора больше нет, а я вдруг дико приревновала его к этой женщине. Почему? Какой сейчас-то в этом смысл? Хотя разве в ревности есть какой-нибудь толк или смысл?

– Он не сказал тебе случайно, что на самом деле стряслось с Нестором? Неужели его лечащий врач ничего не знал о его больном сердце?

– Вероятно, не знал. Да никто ничего не знал! Нестор никогда не занимался своим здоровьем. И принимал таблетки и витамины только во время эпидемий гриппа, поскольку боялся свалиться от тривиального ОРВИ и из-за этого не попасть на какие-нибудь важные переговоры. Все думали, что он практически здоров.

Что она делает в этом доме? В моем доме?! И почему Аннета приглашает сюда своих гостей?! Может, они собираются меня на пару ограбить? Или вообще – убить! И ребенку ясно, что Аннета собиралась скормить мне снотворное исключительно для того, чтобы усыпить меня и иметь возможность встретиться здесь со своей гостьей. И меньше всего она думала о моем здоровье!

Какое же гадкое у меня возникло ощущение! И как же мне захотелось прогнать отсюда этих двух подружек, вытолкать их прямо в шею со своего жизненного пространства!

Но я откуда-то знала, я поняла, что этого делать мне пока что не стоит. Сначала я должна услышать то, ради чего Ольга и появилась здесь. Ведь не просто же так она приехала сюда! Вероятно, у них есть какое-то общее дело. Иначе они могли бы просто созвониться. Или же встретиться на нейтральной территории.

– Аня, мне страшно! Я понимаю, конечно, что эта телка и слова хорошего не стоит, она появилась в жизни Нестора совершенно случайно, но он, видимо, действительно очень любил ее, раз даже женился. Вот уж никогда бы не подумала, что Нестор может быть таким заботливым и нежным... Говорят, что и этот дом он на нее записал! И еще много чего...

– А ты откуда знаешь?

– У него мои люди работали. Аня, ты же все знаешь!

– Накатим?

На столике появилась бутылка виски. Аннета с хозяйским

видом принялась разливать алкоголь по стаканам.

– Представляешь, она меня уже несколько раз спрашивала, где и при каких обстоятельствах я познакомилась с Нестором!

– И что?

– Ну, сначала я придумала историю, будто он сто лет тому назад подстрелил на охоте моего мужа...

– Какого мужа?!

– Оля!

– Ладно-ладно, я поняла. И она поверила?

– Еще как поверила! Вот только ошиблась я в ней... немного. Понимаешь, она производит впечатление такой глуповатой, забитой девушки, которая смотрит в рот своему мужу и боится задать ему лишний вопрос... И я подумала, что она не спросит у Нестора о том, где и как мы с ним познакомились. А она, оказывается, спросила!

– А что же Нестор?

– Оля, Нестор ничего ей не сказал. Разве лишь сообщил ей, что у меня никогда не было мужа.

– Значит, он не рассказал... Что ж, так лучше. Зачем ей что-то знать?.. Вот ты говоришь, что она дура. Но какая бы она дура ни была, она же не могла не видеть, что ты – как член семьи. Ты постоянно находишься в доме, всегда рядом с ней... Значит, ты не просто женщина-стилист. Поэтому она и интересуется! Это нормально. Да и вообще, Аня, я не вижу смысла окружать эту историю какой-то тайной. Все это гадко

и мерзко... И еще неизвестно, кто тогда спас ему жизнь — ты или я? Я — тем, что напилась и принялась скандалить в магазине и бить стекла в витрине, а ты — тем, что помчалась в аэропорт, чтобы уговорить его не лететь этим рейсом. А то, что самолет, на который он не сел, разбился, — так это просто судьба, понимаешь?

— Но я не рассказывала ей ничего только лишь потому, что тогда открылось бы, что у Нестора была жена-пьяница...

— Да какая разница?! Когда-нибудь она все равно узнала бы. Все это пустое. Меня сейчас больше всего интересует, оставил ли мне Нестор что-нибудь или нет?

— Надо исходить из самого худшего. Предположим, не оставил. И что тогда?

— Не знаю. Денег у меня нет. Квартиру я больше оплачивать не могу, значит, мне придется продать машину, снимать какую-нибудь комнату... Или я к тебе пойду жить, сестричка!

— А у меня что, лучше? Нестора больше нет, кто теперь мне оплатит мои услуги компаньонки?!

Так вот, оказывается, кем была для меня все это время Аннета! Компаньонкой! Свояченица, которой Нестор приплачивал и помогал ей из-за того, что та в свое время не дала ему сесть на самолет, который взлетел, упал и разбился...

Если бы я к тому времени знала, какими суммами располагаю, я, только чтобы избавиться от них, каждой подарила бы по квартире и дала бы в придачу по куче денег,

лишь бы только они исчезли из моей жизни. Но, поскольку я сама оказалась, что называется, в подвешенном состоянии, все эти их разговоры о деньгах просто убивали меня. Я вдруг поняла, что я совершенно одна. Ну совсем! И что Аннета, как я и предполагала, никогда не испытывала ко мне дружеских, теплых чувств, – она просто отрабатывала свои деньги. К тому же она была в курсе всех наших семейных дел, то есть играла роль доверенного лица Нестора. Каким же все это показалось мне гнусным, достойным презрения дельцем!

Однако я должна была дослушать все до конца, чтобы потом, если получится, использовать эту информацию в своих целях. А цели у меня к тому времени стали совсем уж смутными... Если еще недавно я пыталась придумать способ, как бы скомпрометировать Аннету в глазах Нестора, то теперь надобность в этом уже отпала. В сущности, я могла бы выместить из дома Аннету прямо сейчас, вместе с ожидавшей своего ломтя от наследства бывшей супругой Нестора. Но что-то подсказывало мне, что я не услышала еще самого главного.

Конечно, неприятно было узнать, что люди воспринимают тебя как какую-то глупую кроткую дуру. Однако еще неизвестно, как бы прореагировала сама Аннета, услышав, как отзывались о ней мы с Людмилой Завалистой!

– Нет, ну кто бы мог подумать, что Нестор так рано уйдет... – вздохнула Ольга, и я увидела, как она налила себе еще виски. – Если бы знать заранее, можно было бы с ним

как-то отношения наладить, намекнуть, что мы с ним как-никак были близкими людьми, что он любил меня...

– Не знаю, почему ты с ним всегда собачилась, обзывала его, оскорбляла?! Никакой дипломатии, полная дурь! Да еще и алкоголь. Скажи, неужели это действительно так приятно – напиваться, а потом валяться целыми днями с головной болью? Не говоря уже о том, что ты, находясь, мягко говоря, в подпитии, даже голову не мыла! Ох, Ольга, дура ты, дура! Был у тебя хороший муж, просто прекрасный – во всех отношениях, а ты...

– Стой, а ты-то откуда знаешь, что он был прекрасный во всех отношениях? Может, и ты тоже успела им попользоваться?

– Я?! Да ты с ума, что ли, сошла?! Совсем мозги пропила!

– Ладно, я пошутила. Давай лучше вместе подумаем, как нам эту Тайку «обуть», если он ей все оставил. Ну подумай сама, зачем ей эти миллионы? Я понимаю, если бы у них были дети... А так... Простая девчонка, которой на голову упали огромные деньги, бизнес... Да она же растеряется, ее ведь все равно обманут! Если вообще не убьют.

– Послушай! Я вот о чем хотела тебя спросить... У Нестора, кроме Тайки, законных наследников больше нет?

– Нет. Я точно знаю. Ни родственников, ни детей.

– А если бы Тайки не было, то кому бы тогда все досталось в случае, если нет завещания?

– Как кому? Государству, моя дорогая!

– Так что же нам делать?

– Вариантов тут несколько. Первый: есть завешание, где все уже распределено. Второй: нет никакого завешания, и тогда все по закону отходит Тайке. Третий: в завешании нет ни слова обо мне. Четвертый: в завешании Нестор упомянул меня. И – тебя.

– Ты представляешь, какой она станет богатенькой?! И...

– ...свободной! – произнесли они обе хором.

– Вот, говорят, что зависть – очень нехорошее чувство. А на мой взгляд, это самое что ни на есть настоящее, естественное человеческое чувство! И я его нисколько не стыжусь! Смотри-ка, – Аннета разругянилась, рассуждая о моем возможном богатстве, – возьмем Тайку. Ну что такого он в ней нашел? Почему он женился на ней? Я-то отлично знаю, какие девицы хотели его захомутать! Ходили на специальные курсы, учились, как себя вести, как одеваться, как мужа ублажать... А Тайка? Просто шла себе домой из вонючего магазина по темной улице. И все!!!

– Да помню я ее отлично! Одета была – просто жуть! И лицо – худое, злое такое... Я еще попросила у нее сигарету, но она мне отказала. Заявила, что она не курит и не пьет! А я тогда разругалась с Нестором ужасно... В тот день он нашел бутылку в швейной машинке... Прикинь! Ты, говорит, Оля, шьешь, что ли? И с каких же это пор? А это вообще была не моя машинка! Для соседки моей принесли, а ее дома не было... Вот у нас машинка неделю и простояла. Конечно,

это было идеальное место для бутылки! Слово за слово, и он так поморщился, глядя на меня... А я, между прочим, тогда была в новом платье и собиралась с ним пойти в ресторан, надела белый плащ. Ох, Аня, не хочу я все это вспоминать! Тоскливо мы как-то с Нестором жили. Скучно. И деньги даже меня тогда не радовали.

– Я рассказывала тебе, чем увлекается эта воронежская дура?

– Да, рассказывала. Музыкой классической, что ли? – хрипловато и как-то лениво рассмеялась Ольга. Мысленно я уже отвесила ей пощечину.

– Ну! Да только все это – полная чушь!

– В смысле? Перед Нестором выделялась? Пыталась привлечь к себе его внимание?

– Нет. Все гораздо сложнее и вместе с тем проще. Это ей кажется, что она увлеклась классической музыкой, фортепьянной игрой...

– Не понимаю. Почему кажется?

– Да потому, что она просто-напросто увлеклась пианистом! Гастролировал у нас в Москве один французский пианист русского происхождения, некий Аллен Рей. Я совершенно случайно затащила Тайку в консерваторию на его концерт. Надо было видеть ее взгляд, когда она любовалась этим Реєм! Она вообще улетела, понимаешь? Весь концерт пялилась на него и, я думаю, мечтала о нем. Ведь она, полагаю, прежде на подобных концертах никогда не бывала, а тут –

красивый молодой человек, в смокинге, в рубашке с белоснежными манжетами... Шапка блестящих кудрей, одухотворенный взгляд... И – музыка! Музыка на самом деле такая, что просто душу выворачивает. Словом, Тайка влюбилась в этого Рея. И потом она накупила множество дисков с фортепьянной музыкой, постоянно ее слушала, но, даю голову на отсечение, кого бы она ни слушала, а представляла себе именно Аллена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.